

Зина
ТИРС

Сделка
ПОСЛЕ РАЗВОДА
ИСЦЕЛЮ ТЕБЯ, ГЕНЕРАЛ

Зена Тирс

Сделка после развода.

Исцелю тебя, генерал

<https://litres.ru/74615968>

Аннотация

— Познакомьтесь, Николь. Это глава совета — Сол Бекфорд. Земля уходит из-под ног. Мой бывший муж. И его молодая красавица-жена — та, ради которой он выгнал меня из дома. — Вам нехорошо? — тихо спрашивает помощник. — Это из-за беременности? — У меня теперь всё прекрасно, — кладу ладонь на живот и смотрю прямо в глаза бывшему.

Полгода назад Сол назвал меня старой и бесплодной и вышвырнул за дверь, как ненужную вещь. Но теперь я снова замужем. Мой новый супруг — герой войны, легендарный генерал. Пусть он прикован к креслу, но он зверь куда более опасный, чем мой бывший. И мечтает перегрызть ему глотку.

Взгляд Бекфорда снова и снова скользит по моему животу. Пусть даже не мечтает. Этот ребёнок — не его. Я молюсь об этом...
ХЭ для тех, кто заслужит

Содержание

1	5
2	11
3	16
4	22
5	27
6	30
7	33
8	39
9	47
10	53
11	58
12	63
13	67
14	75
15	81
16	85
17	92
18	99
19	102
20	107
21	115
22	119
23	125

24	130
25	136
26	140
Конец ознакомительного фрагмента.	143

— Познакомьтесь, Николь. Это глава совета — Сол Бекфорд.

Земля уходит из-под ног.

Мой бывший муж.

И его молодая красавица-жена — та, ради которой он выгнал меня из дома.

— Вам нехорошо? — тихо спрашивает помощник. — Это из-за беременности?

— У меня теперь всё прекрасно, — кладу ладонь на живот и смотрю прямо в глаза бывшему.

Полгода назад Сол назвал меня старой и бесплодной и вышвырнул за дверь, как ненужную вещь.

Но теперь я снова замужем.

Мой новый супруг — герой войны, легендарный генерал.

Пусть он прикован к креслу, но он зверь куда более опасный, чем мой бывший. И мечтает перегрызть ему глотку.

Взгляд Бекфорда снова и снова скользит по моему животу.

Пусть даже не мечтает.

Этот ребёнок — не его.

Я молюсь об этом...

Глава 1

Запах эликсира горчит на языке.

Я держу чашку обеими руками, чтобы она не дрожала. Раствор тёмно-зелёный, горький. Усиленная формула. Самая дорогая из всех, что мне когда-либо готовили зельевары.

Если мы с мужем физически способны иметь детей — эликсир сработает. Но принимать нужно строго каждые два часа. Сутки до близости и сутки после. Остаётся ещё один приём, последний — поздно вечером.

А ответ... станет известен только через две недели.

Две недели надежды.

Я промакиваю губы салфеткой и покидаю кухню.

Голову слегка кружит от сильного средства.

Я возвращаюсь по коридору в праздничный зал.

Музыка льётся под высокий потолок. Гости кружатся в танце. Сегодня в нашем особняке бал в честь дня рождения мужа — торжество, которое я тщательно готовила целый ме-

сяц.

Генералы. Политики. Их жёны. Молодые адъютанты и помощницы из аппарата, где теперь служит Сол.

Вдруг доносится тихий стон.

Из-за приоткрытой двери в конце коридора.

Кто-то из гостей уединился.

Я делаю шаг ближе. Надо прикрыть дверь.

— Сол... милый... — стонет женский голос.

Сердце пропускает удар.

Неверие.

Солом — называют мужа только самые близкие. Я. Для всех остальных женщин он — лорд Бекфорд.

Открываю дверь шире.

И перестаю дышать.

Мой муж стоит между бёдер молодой красавицы Виктории Остин — своей личной помощницы.

Юбки задраны. Она тянет его к себе за воротник парадного мундира. Он целует её жадно, словно не может насытиться.

Мир вокруг будто меркнет.

Ведь ещё вчера он был со мной. Его сильные руки обнимали меня. Хриплый шёпот касался уха:

“Любимая. Родная. Как я тебя люблю”.

Меня.

Леди Остин первой меня замечает.

Её глаза расширяются, и Сол резко оборачивается.

— Проклятье... — цедит он.

Я отпускаю дверную ручку.

Пальцы горят, будто я коснулась огня.

Разворачиваюсь. Нужно уйти. Срочно.

Пока я ещё могу идти.

Перед глазами плывёт.

Пятнадцать лет.

Пятнадцать лет в горе и в радости.

Я боготворила его. Генерал. Герой. Мужчина, с которым мы прошли войны, переезды, гарнизоны.

Я прошла с ним путь от низов до самого верха, всю ему себя отдала.

Я почти бегу по коридору.

Уйти. Просто уйти.

Ноги ватные и плохо слушаются. Ощущение, что стены шатаются. В ушах шум.

Нужно взять себя в руки.

Я поеду в гостиницу. Да. Мне нужно успокоиться.

У меня завтра важная процедура по восстановлению слуха у мальчика-сироты — куратор специально привёз его из провинции — мальчик долго ждал своего шанса, и я не могу подвезти.

Вдох. Выдох.

Я почти успокоилась.

Но вдруг меня резко хватают за локоть.

— Стоять, Николь, — громовой голос раздаётся над ухом.

Рука Сола сжимает мой локоть так сильно, что я едва не вскрикиваю.

Он разворачивает меня и припечатывает к стене.

Большой, тяжёлый. Тёмные волосы вихрами обрамляют лоб, благородная седина серебрит виски, и глаза, чёрные, как уголь, впиваются в меня жарким взглядом.

Запах... Его запах. Когда-то родной.

Но теперь — ненавистный.

— Пусти! — шиплю я, ударяя кулаком в мужскую грудь.

— Ты всё узнала немного раньше, чем я планировал, Никки, — говорит он хрипло.

Убирает от моего лица упавшую прядь, привычным движением заводя за ухо.

Тело помнит его заботу, но нутро горит огнём.

Я отворачиваюсь от руки предателя.

— Я хотел сказать тебе после бала. Но что ж. Надеюсь, ты будешь благоразумной и не устроишь сцену.

Он улыбается уголком рта. Уверенный и спокойный — хозяин положения.

Я медленно качаю головой.

Скандал мне не нужен. Истерика тоже.

Сол вдруг сгребает меня в объятия.

На секунду сердце делает глупый скачок — может, всё,

что было в комнате, мне привиделось?

Но нет.

Нет, он просто тащит меня обратно.

В ту самую комнату.

Леди Остин уже сидит на диване, поправив платье, и победно улыбается.

— У меня другая женщина, Николь, — произносит Сол.

— Мы с тобой расстаёмся.

Каждое слово падает тяжёлым камнем на сердце.

— Я устал тратить деньги на твоё бесполезное лечение.

Взгляни на себя — ты уже своё отцвела, а мне нужна яркая молодая женщина рядом. Нужен наследник. И я его сделал, — Сол поворачивается к любовнице и объявляет: — Виктория — беременна.

Муж улыбается, глядя влюблённым взглядом на девушку.

А у меня словно нож проворачивается под рёбрами.

Земля уходит из-под ног.

Потрясение. Горечь.

Обида захлёстывает вихрем.

Я лечилась, глотала эти проклятые эликсиры столько лет ради нас, ради нашего ребёнка.

А он... Просто взял и сделал его на стороне.

Её ребёнок должен был быть моим!

Молодая красавица.

Это не она была с ним рядом в тяжёлые времена, не жила в страхе от ожидания, вернется ли с войны. Она пришла на

всё готовое: высокая должность, столичный особняк, деньги.

Виктория улыбается шире, наслаждаясь моим поражением.

Её тонкие пальцы увешаны кольцами, на шее — подвеска с рубинами, — уверена это подарок моего мужа — он и мне когда-то рубины дарил в знак любви.

Мне хочется подойти и дать девочке пощёчину, чтобы не улыбалась.

Но я не делаю этого. Она молода и вряд ли понимает, во что ввязалась. Да и беременная всё же.

Грудь сдавливает, словно плитой. Дышать не могу. Больно.

— Расстаёмся — что ж, замечательно, — произношу я. — Значит, у меня освободиться уйма времени на больницу.

Всеми силами души цепляюсь за мысли о работе, чтобы выдержать удар.

Не показать слабины.

Встретить поражение достойно.

Я целитель. Лечу важных особ из элиты, а недавно начала вести практику в больнице для бедняков. Что ж, теперь направлю все свои силы на эту деятельность.

— Это исключено, Никки.

Голос Сола становится холодным, как сталь.

— Для моей карьеры недопустимо, если мы просто расстанемся. Ты — поедешь в монастырь. Более того, — он смотрит на меня сверху вниз. — Ты сама туда уйдёшь. Сде-

лаешь заявление завтра на приёме у королевы, что больше не хочешь мучить своего бедного мужа своей болезнью.

Это уже больше, чем предательство. Это уничтожение.

Монастырь — это конец: лишение магии, статуса, полная изоляция. Это гроб для меня, как целительницы и как женщины.

Ужас холодит кровь.

— И потом... — Сол делает шаг ближе. — Ты была моей женой.

Его голос становится тише.

Жёстче.

— Неужели ты думаешь, что я могу тебя просто отпустить, чтобы ты нашла себе кого-то? Нет. После меня никто и никогда к тебе не притронется. Запомни. Я своё не отдаю.

Он поправляет манжету, будто вопрос уже решён.

Вдруг понимаю, что я была для мужа всего-лишь вещью. Удобной, полезной.

И теперь, когда я стала не нужна, он отправляет меня на склад для дорогих, но сломанных вещей.

— Монастырь. Я уже выбрал подходящий, там тебе будет хорошо. А теперь иди к гостям. И без скандала.

Он открывает дверь, уверенный, что я непременно буду послушной.

Я выхожу.

Каблуки ровно стучат по паркету.

Нет, я меня нельзя просто так взять и выбросить из жизни.

Пока ещё я хозяйка дома, жена, устроительница бала.

И если Сол думает, что я так легко соглашусь сгнить в монастыре, то он плохо меня знает.

Я уже знаю, что делать.

В кармане вдруг звякает пузырёк. Последняя доза эликсира — через два часа.

И с этим — я тоже уже знаю, как поступить.

Сжимаю пальцами крохотный пузырёк.

Столько надежд, мечтаний.

Глаза щиплет, но я не позволяю себе слёз.

Навстречу движутся гости.

— Музыканты великолепны, Николь! — хвалит генерал Квебек. — И закуски — просто восхитительны.

— Спасибо, Уильям, я рада, что вы оценили, — я держу приветливую улыбку хозяйки дома, а у самой в душе жарко горит огонь, выжигая внутренности.

Моя жизнь только что рассыпалась в прах.

Душит боль.

Вхожу в нашу с Солом спальню, сворачиваю в ванную комнату и достаю пузырёк с драгоценной жидкостью.

Тёмное стекло холодит пальцы.

Я так хотела ребёнка. Так старалась. Было много попыток, много слёз. Это дорогой эликсир с редкими ингредиентами — мне привезли их из другой страны. Чек на триста тысяч крон до сих пор не погашен.

А теперь...

Кладу пальцы на крышечку.

Теперь ребёнка не будет.

Открываю пузырёк и смотрю, как содержимое медленно капает в раковину.

Кап-кап-кап.

Мне не стать мамой.

К горлу подступает ком.

Чёрное отчаяние захлёстывает волной.

Когда пузырёк пустеет, включаю воду, умываюсь. Прижимаю ладони к лицу и стону, как раненая самка.

Перед глазами проносятся годы нашей совместной жизни. Как я ждала Сола со службы, лечила раны. Как он улыбался мне, обнимал. Ласкал меня в постели.

А теперь у него другая. И она беременна.

А я — отцвела.

Но мне ведь ещё только тридцать пять — я ещё женщина, я могу. Могу!

Возвращаюсь в спальню. Взгляд цепляется за вещи: шторы, шёлковые обои, настольная лампа, постельное бельё.

Всё выбирала я сама, вкладывая частицу себя.

Мы два года живём здесь, в столице. До этого — всё по гарнизонам. Дом купил Сол, он и содержал нас всегда. Ему принадлежит всё имущество и даже поместье моих покойных родителей записано на него — женщине в нашем патриархальном мире не положено ничего.

Но у меня есть небольшие сбережения.

Я открываю комод и достаю тяжёлый кошель. Его вес придаёт сил. Я работала целительницей, и пациенты благодарили, когда я ставила их на ноги. Я смогу себя прокормить и без мужа.

Стены давят, хочется скорее покинуть дом, в котором любимый без зазрения совести мне изменил. Но нельзя бежать сейчас, посреди бала: меня быстро хватятся.

Сол сказал, что не даст мне свободы.

Значит, я должна взять её сама.

Дождусь ночи и уйду незамеченной, чтобы он не заподозрил. Он уверен, что я буду играть по его правилам.

Подхожу к зеркалу, поправляю косметику.

Я бледна, в глазах погас прежний блеск, но в остальном — никто не разглядит, какая катастрофа разыгралась у меня внутри.

Покидаю спальню, широко шагая.

Остаток вечера глушу болезненные мысли делами, заботой о вечере и гостях, я всё ещё здесь хозяйка.

Потом гости начинают разъезжаться, и Сол самолично сажает леди Викторию в экипаж — на публике не позволяет себе поцелуев с любовницей, играет роль примерного семьянина.

А потом, шутя и веселясь, удаляется в кабинет с близкими друзьями-офицерами — там они просидят до утра. Они делают это после каждого приёма — пьют, обсуждают дела службы, смеются.

Я испытываю неожиданное облегчение — теперь ничто не мешает моему уходу.

Поднимаюсь в спальню, почти вслепую заталкиваю в сумку вещи: теплая одежда, немного белья и сбережения —

больше не беру ничего.

Ни платьев, ни украшений, которые он мне дарил.

Неожиданно слишком громкий смех эхом доносится через дымоход камина.

Кабинет находится точно под спальней, и звуки иногда слышны.

Я подхожу к камину и затаиваю дыхание. Хочу убедиться, что муж сейчас достаточно занят.

— Кстати, Сол, — говорит один из офицеров. — Слышал, ван Райден вернулся в столицу.

На секунду воцаряется гробовая тишина.

— Думаешь, он может быть причастен к смерти Кайзера? — добавляет тот же голос.

Сол усмехается.

Я узнаю эту усмешку — холодную, уверенную.

— Каким образом? — спокойно отвечает он. — Райден калека. А друзей у него давно нет.

— Кайзера пытали, ногти и зубы вырваны. Кто, если не Райден?

— Может, в карты проигрался, — отвечает Сол.

И затем его голос звучит опасно, что кровь в жилах стынет:

— Не о чем беспокоиться, Райден не жилец. Я видел его заключение о здоровье. Он скоро сдохнет. И вся та история уйдёт в могилу вместе с ним.

— Отличные новости. Выпьём за это!

Доносится звон бокалов и смех.

По спине пробегают мурашки.

Как можно праздновать чью-то скорую смерть?

Я слышала про генерала Райдена: два года назад они с мужем воевали вместе в битве с демонами. Райден тогда совершил на поле боя ошибку, понёс потери и попал в плен к демонам. А мужа, наоборот, наградили орденом героя королевства и повысили до маршала. Перевели в столицу.

Значит, Райден умирает?

Я не знала его, но всё равно мне становится его жалко: боевой генерал, лишившийся всего в одночасье.

Мужчины снова разверзаются громким смехом.

Они словно дикие звери, и мой муж — главный среди них.

Я снимаю туфли и выхожу в коридор босиком, чтобы каблуки не выдали меня.

Выхожу на крыльцо особняка и натыкаюсь на стражника — обычное дело, муж часто выставляет охрану.

— Добрый вечер, пропусти меня, — говорю ему.

— Вас не велено выпускать, леди Николь, — произносит мужчина.

Проклятие, Сол всё предусмотрел.

— Простите, я должен доложить хозяину, — охранник вытаскивает переговорный артефакт: — Лорд Бекфорд, ваша жена хочет уйти.

Попалась!

Пощады не будет. Нужно срочно действовать.

Я бросаю туфли в охранника и срываюсь на бег.

Мужчина теряет пару секунд на борьбу с туфлями и устремляется следом.

Стражники у ворот видят эту картинку и бросаются наперерез. Я сворачиваю к стене ограждения, туда, где стоит беседка. Роняю сумку и лезу через забор.

Я перемахиваю через ограждение и оказываюсь на пустой дороге. Прямая линия без возможности укрыться. Здесь они-то меня и возьмут...

Сзади, совсем близко, доносятся приближающиеся шаги стражи.

Сердце бешено колотится в груди.

— Что же ты делаешь, Николь, — гремит за спиной голос мужа. — Думала сбежать?

Я медленно поворачиваюсь.

Меня накрывает отчаяние. Я совсем одна против всех. Сол глядит на меня исподлобья страшным взглядом.

Вдруг из темноты, словно из засады, прямо передо мной выкатывается чёрная карета. Дверца распаивается, и я чувствую исходящую из глубины ауру опасного зверя.

— Садись, — хрипло вырывается из темноты.

4

Познакомимся с героями нашей истории

Николь:

Генерал ван Райден, с которым скоро познакомимся:

А Сола Бекфорда покажу в следующей проде=)

Дверца кареты открыта, словно пасть зверя.

Я колеблюсь лишь мгновение.

Если останусь — меня схватят. А что ждёт внутри тёмной кареты — неизвестно.

Но выбора нет.

— Схватить её! Окружить экипаж! — отдаёт приказ Сол.

Я быстро хватаюсь за край дверцы, встречаю твёрдую руку незнакомца, которая удерживает меня, и забираюсь внутрь.

— Поехали, — резко приказывает хозяин кареты кучеру.

Экипаж сразу же трогается, вжимая меня в объятия чужака.

Сердце колотится так, что готово разбить рёбра. Руки дрожат, и я никак не могу заставить себя вдохнуть глубже.

— Спасите меня, — шепчу я.

Карета несётся по мостовой.

— Т-с-с, тише. Что случилось?

Голос низкий, хриплый. Спокойный.

Внутри вспыхивает ощущение, что на этого человека можно положиться.

В салоне темно. Лишь слабый свет уличного фонаря на мгновение скользит по салону, когда карета проезжает мимо перекрёстка.

И тогда я вижу его.

Широкая тёмная фигура. Лицо скрыто тенью, но я чувствую его взгляд — холодный, пристальный.

Меня пробирает дрожь.

Я спаслась от мужа, но не ждёт ли меня участь более страшная в руках чужака?

Раздаётся шуршание колес по дороге, и мне кажется, будто мы проваливаемся куда-то глубже и глубже.

— Мой муж, маршал Бекфорд... — произношу я.

Именем мужа я пытаюсь защитить себя и в то же время подписываю себе приговор.

— Муж предал меня и хочет отправить в монастырь. Защити меня. И проси, что хочешь, — говорю я твёрдо.

Затаиваю дыхание и жду.

Мой единственный шанс на спасение.

Мне некуда идти. Денег нет. Нет защиты. Муж найдёт меня везде и уничтожит.

Незнакомец шумно, почти с рычанием выпускает воздух, и откидывается на спинку сиденья.

Чувствую, как напрягаются его мускулы.

Неужели он остановит карету и высадит меня... Никто в здравом уме не пойдёт против одного из самых властных людей страны, если не хочет, чтобы ему сломали хребет.

У меня нет шансов.

Я беззащитна.

Тишина становится вязкой. Почти невыносимой.

И лишь бешеный стук сердца гудит в ушах.

Фонарь снова на секунду освещает лицо незнакомца.

И у меня перехватывает дыхание.

Шрамы. Резкие черты, жёсткие, словно каменные. Глубокие тени под глазами.

И взгляд... — опасный, тяжёлый — такой может принадлежать лишь тому, кому нечего терять.

— Ты сказала “проси, что хочешь”, — произносит он. — Одна ночь. Со мной. И я защищу тебя.

===

А вот обещанный визуал Сола

Во рту мгновенно пересыхает, будто язык прилип к небу.

Я не сразу понимаю смысл слов — они как будто проходят сквозь меня, не задевая... а потом врезаются. Жёстко. Словно удар.

“Одна ночь”.

Сердце делает тяжёлый, неровный удар — и ещё один, уже болезненный, как укол.

Я смотрю на незнакомого мужчину, но не вижу лица — только широкий тёмный силуэт, от которого некуда деться.

Внутри поднимается острый, горячий протест, почти крик.

Нет!

Я никогда даже в мыслях не представляла, что буду с другим мужчиной.

Возмущение вспыхивает, но тут же гаснет, как искра.

Нутро затапливает чёрное, холодное отчаяние.

Пальцы дрожат, и я сжимаю их в кулак, вгоняя ногти в ладонь. Задерживаю дыхание, чтобы не застонать.

Прошлая жизнь осталась позади — и теперь на бешеной скорости меня увозит от неё чужой экипаж.

Грань пройдена. Мосты за спиной горят жарким пламенем.

Счастлива с мужем до гроба, как планировала, я уже не

буду: у него другая, и она беременна.

Она войдёт в мой дом. Будет там хозяйничать, брать мои вещи.

А я... Меня словно вычеркнули, отправили в монастырь. Обида пульсирует где-то глубоко, под рёбрами, причиняя физическую боль.

У меня нет ни денег, ни вещей. За мной гонится охрана мужа.

Никто не поможет. Никто не защитит. Никто не пойдёт против маршала королевства — Сола Бекфорда.

Кроме...

Поднимаю взгляд. Смотрю в глаза тому, кто вырвал меня из когтей мужа в самый последний момент.

Во взгляде незнакомца мелькают звериные огоньки. Он не менее опасен, чем мой муж, — такой же хищник.

И он ждёт ответа.

— Если я не соглашусь, ты высадишь меня? — произношу я, затаив дыхание.

Он не сразу отвечает.

Смотрит на меня — пристально, не мигая.

Как хищник, который уже выбрал добычу и теперь просто решает, когда сделать шаг.

Взгляд его скользит по лицу, задерживается на губах — медленно, откровенно, без тени смущения.

Тишина густеет, и в ней почти невозможно дышать.

Неужели у меня нет выбора.

— Нет, — произносит незнакомец хриплым голосом, похожим на рокот зверя. — Но у меня не будет права удерживать тебя.

Он расцепляет руки, которыми всё это время обнимал меня, — и только теперь я понимаю, насколько крепкой была его хватка.

Я оказываюсь на сиденье.

По телу пробегает зябкая волна. Плечи невольно передёргивает.

— Я буду обязан вернуть тебя мужу. Ты — чужая жена, — говорит жёстко чужак и шумно набирает воздуха в грудь, словно...

Он нюхает меня, словно хочет ближе узнать мой запах.

Грудь сдавливают тяжёлое решение.

Колёса экипажа стучат по мостовой глухо, словно молот, забивающий гвозди в крышку моего гроба.

За окном проносится тусклый свет фонарей — полосами скользит по лицу незнакомца, выхватывая резкие скулы, тень на щеке, тёмный блеск глаз.

Внутри кареты — слишком тесно. Слишком мало воздуха.

— Решать тебе, — произносит он.

И после короткой паузы, добавляет почти шёпотом:

— Я не буду принуждать.

Но взгляд его говорит совсем другое.

Он уже всё решил.

В тот момент, когда сказал: “Садись”. Когда встал на пути мужа.

— Едем ко мне, — говорит он, не сводя с меня глаз. — Уйдёшь, когда пожелаешь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Снова внутри, на грани сознания, прокатывается уверенность: этот мужчина не лжёт. Он не из тех, кто играет слова-

ми — не паук. Передо мной — хищник, прямой и жёсткий.
Я набираю воздуха в грудь и киваю.
Судорожно выдыхаю, обняв себя за плечи.
Назад дороги нет. Теперь только вперёд. В новую жизнь.
Когда экипаж останавливается возле тёмного особняка,
мой пульс зашкаливает.

Дверца распаивается. Холодный воздух врывается
внутрь.

Он выходит первым — легко, уверенно — и оборачивает-
ся ко мне, протягивая руку.

Я колеблюсь лишь мгновение, а затем вкладываю ледяные
пальцы в его твёрдую ладонь.

Его пальцы смыкаются на моём запястье — горячие, жёст-
кие. Слишком сильные.

Он помогает мне спуститься. И не отпускает.

Опасно близко.

Чужой мужчина, которого я впервые вижу.

Я поднимаю взгляд — и всё происходит мгновенно.

Он делает шаг.

Я — отступаю.

Спина касается дверцы экипажа.

Его рука уже у меня на затылке — резко, властно, не давая
отвернуться.

Дыхание обжигает губы.

И в следующую секунду он целует меня.

Жёстко. Голодно.

Без разрешения. Без сомнений.

Как будто имеет право.

Мир качается.

Чувствую на губах вкус: силы и опасности. Но мне нравится. Проносится мысль: этот мужчина подходит мне.

Но всё слишком быстро.

Я упираюсь ладонями ему в грудь — твёрдую, горячую — пытаюсь оттолкнуть.

Он отрывается всего на мгновение — чтобы посмотреть в глаза.

Тёмные. Горящие. Столько в них голода и жажды.

— Теперь — не отпущу, — хрипло произносит он.

Поднимает меня на руки легко, словно пушинку, и несёт в темноту особняка, в своё звериное логово.

=====

Дорогие читатели, сегодня скидка на мой роман в подписке (139р вместо 159)

"Развод с генералом-драконом. Несломленная бывшая жена"

<https://litnet.com/shrt/exCs>

ЗЕНА ТИРС

— Снимай всё.

Муж рвёт на мне платье, больно хватая за плечи, словно проверяет, не вздрогну ли я.

— Всё это купил тебе я. Без меня ты никто. Простая человечка, которой повезло.

Отступает на шаг, обводя голодным диким взглядом моё обнажённое тело.

— Туфли тоже снимай, — произносит хрипло.

Я медлю всего секунду. Потом разуваюсь. Сама. Гордо вынимаю ступни из туфель.

Холод впивается в кожу. Но это ничто. Хуже то, что я только что узнала.

Мой муж. Генерал-дракон. Нашёл истинную и женится на ней. А мне — милостиво предложил остаться его любовницей.

— Ну, и куда ты пойдёшь в таком виде?

Он ждёт. Он уверен, что я сейчас сломаюсь и попрошусь вернуться.

Но я разворачиваюсь. Делаю шаг. Ещё шаг. Сердце рывается в клочья.

Но я ухожу и уношу с собой тайну под сердцем.

Прошло десять лет.

Я возвращаюсь в столицу помощницей министра и больше всего боюсь встречи с бывшим мужем. Но судьба беспощадно сводит нас по разные стороны баррикад.

Я не скажу тебе о сыне, генерал. И не смотри так на мои ноги. Эти роскошные туфли, как и всё остальное, я сама себе купила!

<https://litnet.com/shrt/cQm8>

В темноте комнаты различима лишь массивная тень кровати — и именно к ней он меня несёт.

Моё дыхание сбивчиво.

Я чувствую под ладонями сталь его плеч.

И с замиранием представляю, как эти мышцы будут напрягаться, когда...

Волна стыда накрывает с головой.

Я отдаюсь в руки чужого мужчины.

Но ничего этого не было бы, если бы Сол не предал меня...

Грудь сжимает так, что не вдохнуть.

Я цепляюсь за мужчину сильнее, прижимаюсь, словно он — единственное, что может меня защитить.

Он откликается мгновенно, как огонь, вспыхнувший от искры. Находит мои губы сразу, без колебаний, и целует.

Поцелуй — жёсткий, требовательный.

И... я отвечаю.

Сомнения рассыпаются, просто исчезают.

Я хочу этого.

Хочу его.

Может быть, это последняя ночь в моей жизни.

Значит — пусть будет моей.

Он опускает меня на постель.

Матрас прогибается под его весом, когда он нависает сверху.

Снова целует.

Твёрдые мужские губы заставляют дрожать и покоряться.

В животе скручивается тугая спираль. Тепло медленно разливается по телу, вытесняя страх.

Мужчина пахнет кожей, сталью, чем-то тёмным и опасным.

И это сводит с ума.

Я запускаю пальцы в его волосы, провожу по шее, по линии напряжённых мышц, хочу узнать его ближе.

Он отрывается всего на мгновение.

Я ловлю его горящий во мраке взгляд.

Тёмный. Глубокий.

Голодный.

В нём нет сомнений.

Нет страха.

Только одержимая решимость.

Он снова притягивает меня, прикусывает шею — коротко, властно, словно оставляет метку.

И тут же мягкое, тёплое прикосновение губ, будто он стирает собственную жестокость.

Я невольно выгибаюсь навстречу.

Его поцелуи спускаются ниже. Медленно, неторопливо.

Он не спешит.

Но в каждом его движении чувствуется сдерживаемая си-

ла.

И я замираю от страха.

Потому что я понимаю: если он отпустит контроль — меня просто не станет.

Но я доверяю.

Отдаюсь — вопреки всему.

Постель тихо скрипит под нами, ткань шуршит в темноте.

Его руки движутся уверенно — он быстро справляется с пуговицами и крючками моего платья, словно делал это сотни раз.

Эта мысль обжигает и почему-то ранит.

Но уже поздно.

Между нашими телами больше нет преград.

Я чувствую его тепло кожей — и вздрагиваю, будто впервые.

Как девственница в брачную ночь.

Внизу живота нарастает тяжесть: сладкая и мучительная. Почти за гранью.

Такого... никогда не было.

С Солом такого не было.

Я не знаю, испытаю ли когда-нибудь то, о чём шепчутся женщины...

Но сейчас... Я веду ладонью по его спине. И резко вдыхаю.

Шрамы.

Грубые, рваные.

Драконий бог...

Я знаю эти раны.

Огненные клинки высших демонов.

Перед глазами вспыхивают воспоминания: солдаты, сто-
нущие от боли у меня на руках. Эликсиры не помогали. Ар-
тефакты — тоже.

Мало кто после таких ран выживал.

Он дёргается под моим прикосновением, будто я задела
живое.

Я убираю руку.

Но он перехватывает, не отпускает.

Подносит к губам.

Медленно проводит языком по ладони.

И в этом жесте — что-то неотвратимое, окончательное,
собственническое.

Затем — резкое движение — и он снимает с запястья мой
брачный браслет.

Металл ударяется о пол где-то позади.

И в этот момент я понимаю: назад дороги нет.

Теперь я принадлежу другому.

И он спешит эту власть закрепить.

Разводит мне ноги и...

Туго заполняет. До самого конца.

Наполненность.

Такая хорошая. Правильная. Словно он создан для меня.

С губ слетает стон.

Он ловит его поцелуем.

И начинает двигаться.

Мощными толчками. С голодом, жаждой, словно давно у него не было женщины.

Но при этом каждое движение осторожное, контролируемое.

Туман наслаждения затягивает, стирая границы совести.

Только двое: я и он. И древний, как сама жизнь, танец.

Я растворяюсь в его ритме.

Забываю, как дышать, царапая ногтями его лопатки. За-
дыхаюсь от наслаждения.

Слишком ярко.

Слишком остро.

Крик срывается сам собой, разрывая тишину ночи.

Мир качается, разлетаясь на цветные осколки, и потом
медленно собирается вновь.

Я забываю боль.

Забываю прошлое.

Становлюсь просто счастливой женщиной в объятиях
неутомимого мужчины.

Засыпаю под утро в его объятиях слегка потрёпанная и с
глупой улыбкой на губах. Такой улыбки у меня, пожалуй, не
было даже в первый месяц после свадьбы.

Чувствую себя в полной безопасности.

Но.

Совсем скоро я просыпаюсь. Резко, словно от толчка.

В груди сиреной воеет тревога.

Жар.

Сильный, ненормальный.

Будто я горю.

И только потом понимаю: не я.

Это он. Мой мужчина.

Поворачиваю голову — и только сейчас замечаю рядом с кроватью то, чего не увидела ночью.

Инвалидное кресло.

=====

Дорогие читатели, приглашаю вас в новинку нашего моба
"Генерал с изъяном" от Ольги Коротаевой:

##Целительница для бессердечного генерала##

<https://litnet.com/shrt/rRcV>

– Неужели ты поверила, что я отпущу такую сладкую птичку? – его шершавый шёпот обжигает холодом, а золотые глаза обещают погибель.

Генерал Мортимер ван Шард потерял в битвах за короля... сердце. Теперь он бессердечное чудовище и забирает то, что само пришло в его руки. Но Айрини – не просто жертва. Она та, кто заставит его зрачки снова стать человеческими... хотя бы на миг.

ол

<https://litnet.com/shrt/2nvF>

В рассветной полутьме я сажусь на постели и быстро окидываю взглядом комнату.

Здесь почти нет вещей — обстановка сухая, аскетичная. У кровати стоит кресло на больших колёсах, на столе — беспорядок из стеклянных пузырьков и флаконов.

Ни стульев, ни даже табурета.

Значит... он передвигается на кресле.

В груди что-то неприятно сжимается.

Я тянусь к мужчине, с которым провела ночь, и касаюсь его лба.

Жар.

Кожу обжигает, будто под ладонью раскалённый металл.

— Нет... — чуть слышно выдыхаю.

Он без сознания.

Мне страшно. Очень страшно, что он сейчас умрёт у меня на руках, а я уже успела привязаться.

Действую быстро, как привыкла на войне.

Ладони ложатся ему на грудь: я прощупываю ауру.

Кожа под пальцами сухая, неестественно бледная.

Шрамы тянутся по груди и при утреннем свете выглядят ещё страшнее, чем казались ночью.

Как ты вообще выжил?

Его тело вздрагивает.

Судорога проходит волной. Мужчина мечется. Под закрытыми веками бешено движутся глаза. С губ срывается глухой, тяжёлый стон.

И вдруг —

его рука накрывает мою.

Горячая. Слишком горячая.

Я замираю и перестаю дышать.

Он открывает глаза — мутные, стеклянные.

— Элизабет... Ты... Пришла... — с трудом выдыхает он.

Мир переворачивается.

Элизабет.

Чужое имя.

Другая женщина.

Сердце будто сжимают в тисках.

Какая же я глупая.

Какая наивная.

Я правда поверила, что эта ночь была только нашей?

Кто она?.. Кто эта женщина?

Он сжимает мою ладонь сильнее — так, будто боится, что я исчезну.

И в этот момент во мне что-то резко, почти болезненно щёлкает.

Холод. Чёткий и выверенный, как у профессионала.

Я — целитель.

Ничего личного. Я должна спасти его, иначе он не сможет защитить меня от Сола.

— Тише, — произношу я, осторожно высвобождая руку.
Это несложно — он слишком слаб. — Всё будет хорошо, —
твёрдо говорю ему.

Вновь опускаю ладони на грудь.

Теперь — только работа.

Концентрация требует огромных, почти физический усилий. Я собираю всю свою магию, вжимаюсь в неё, как в опору, и погружаюсь в его ауру.

Словно ныряю в мутную, тяжёлую воду.

Темно. Плотно.

Я ищу, продираюсь сквозь сопротивление.

Когда-то в нём была магия — мощная, живая.

Теперь — лишь угасающий след.

Источник иссох.

А там, где должен быть дракон... — пустота.

И вдруг —

я вижу.

Драконий бог...

Его позвоночник сломан.

Полностью разрушен в районе поясницы. Нервные каналы повреждены — тончайшие, хрупкие структуры, которые если не принять меры сразу — умирают. А мёртвое — невозможно исцелить.

Невозможно.

Но...

Ночью он стоял.

Ходил.

Держал меня!

Я бросаю взгляд на стол с пузырьками.

Ответ — там.

Но не сейчас.

Сейчас я снова ныряю глубже. И чувствую. Да... В месте перелома — чужеродная магия. Остатки... Чёрная, смертельно опасная сила... Я не практикую такое, но пару раз приходилось разгребать последствия. Похоже, он проводит запретные ритуалы.

И именно они запустили воспаление — стремительное, разрушительное. Началось заражение крови.

Именно поэтому чёрная магия под запретом — плата за неё слишком высока.

Всё внутри меня собирается в одну точку.

Я вгрызаюсь в эту опасную магию, вплетаю свою, отдаю часть себя в уплату, чтобы она отпустила его тело.

Минуты тянутся бесконечно.

Я веду упорную борьбу.

И наконец на коже мужчины выступает испарина.

Хорошо.

Значит, организм справляется.

Дыши... давай... держись... Ты нужен мне!

Его дыхание постепенно выравнивается.

Судороги отпускают.

Глаза под веками замирают, будто он мирно спит.

Жар ощутимо спадает.

И только тогда я медленно выдыхаю — будто долго и упорно бежала. Голова кружится.

За окном льётся яркий свет.

Я даже не заметила, сколько прошло времени.

Час? Или два?

Мысль ударяет резко.

Больница, малыш, лечение слуха!

Я вскакиваю с постели.

— Демоны побери...

Хватаю с пола платье и почти бегу в ванную.

Тело с трудом слушается — я выжата досуха.

Вода, быстрые движения, дрожащие пальцы — привести себя в порядок, собраться, не думать о том, что произошло ночью.

Не чувствовать. Это сделка. Работа. Но почему-то в груди словно раскалённый уголь ворочается.

Когда возвращаюсь в комнату, замираю на пороге.

Он уже сидит в кресле и спокойно застёгивает ремень брюк.

Широкая спина. Мощные плечи. Сильное тело.

И это кресло.

Как приговор.

В груди поднимается тяжёлая, глухая волна.

Отчаяние.

Я отдала ему все силы. А он... Как он сможет защитить

меня от Сола?

И будет ли вообще защищать?

У него есть Элизабет.

Может... я для него — просто утешение на одну ночь?

Боль расплзается внутри, сжимает горло.

Собираю волю в кулак: больше не позволю ни одному мужчине ранить моё сердце.

Прохожу мимо него и останавливаюсь в дверях.

— Мне нужно ехать в больницу.

Он медленно ведёт взглядом по моим ногам: от мысков до бёдер, а потом запрокидывает голову, и наши глаза встречаются.

— Доброе утро. Что с тобой?

Нам (пока) неизвестный искалеченный герой

Тьма отступает медленно, вязко, словно не желая отпустить.

Он выныривает из неё рывком — через привычное усилие, через борьбу, к которой привык в последние годы.

Ещё не открывая глаз, вслепую тянется рукой по постели — резко, жадно, стремясь скорее нащупать женщину, с которой провёл безумную ночь.

Нежная. Мягкая. Сладкая.

Она словно вдохнула в него жизнь.

И сейчас ему необходимо прикоснуться к ней. Убедиться, что она рядом.

Рука скользит по смятой простыне.

Пусто.

Холод.

Пальцы замирают на долю секунды, затем проходят снова — медленнее, точнее.

Никого.

Сердце глухо ударяет в грудную клетку. Внутри мгновенно поднимается звериный ужас.

Ушла.

Увидела шрамы. Кресло — ушла.

Он ведь хорошо помнит тот миг ночью — как она коснулась его спины. Как едва заметно вздрогнула. Замерла на мгновение.

Этого достаточно, чтобы понять.

Чудовище.

Он сжимает челюсти.

Перед глазами, словно из тумана, всплывает другой образ — давний, незабываемый.

Элизабет.

Лазарет. Запах лекарств. Тусклый свет.

Она стоит в дверях и смотрит на него — так, будто перед ней чужой.

— Я не смогу, Гаспар. Прости.

Губы дрожат. По щекам текут слёзы.

Он тогда ничего не сказал ей.

Только смотрел, как её уводит другой — высокий, крепкий, живой.

Потом был бал в честь его отставки.

Яркие люстры. Звон бокалов. Блеск орденов.

И она — кружится в танце с тем самым мужчиной. Смеётся.

А он — в кресле смотрит на них — муж, который больше не может вести свою женщину в танце.

Развод она попросила тихо, не поднимая глаз.

Он не стал удерживать.

Оставил ей дом, земли, перевёл половину пенсии.

Она была для него всем. Она и их сын. Восемнадцать лет прожили вместе...

И наступила пустота.

Он остался один.

Калека.

До вчерашней ночи.

Губы сжимаются. Дыхание сбивается, но он силой отсекает воспоминание.

Распахивает глаза.

Комната на мгновение плывёт, в ушах стоит гул, но это не важно.

Он уже почти поднимается, почти срывается — плевать на боль, на слабость, на всё — только скорее найти и вернуть женщину — обещал её защитить!

Но он вдруг замирает.

Сквозь тяжёлый гул крови в ушах доносится звук.

Тихий.

Ровный.

Это вода.

Шум душа из смежной ванной.

Он застывает, вслушиваясь.

Ловит каждую вибрацию звука, как хищник, уловивший дыхание добычи.

Не ушла.

Она здесь.

Всего лишь за стеной.

Моется.

Внутри слегка ослабевает напряжение. Не исчезает, а лишь немного отпускает хватку.

Он медленно выдыхает, только сейчас понимая, что всё это время не дышал.

Пальцы разжимаются, отпуская сжатую простыню.

Нужно встать. Одеться.

Не встречать же её так.

Он успевает натянуть брюки, когда раздаётся щелчок двери.

Комнату наполняет её запах — тёплый, влажный, живой.

Она проходит мимо, не глядя на него, и направляется к выходу.

Он медленно поворачивается. Медленно поднимает взгляд, готовясь увидеть на её лице то, что уже видел однажды.

Страх. Отвращение.

— Мне нужно ехать в больницу, — произносит она стальным тоном.

В глазах лёд.

Он хмурится.

Больница? Он причинил ей боль? Ранил?

Что с ней?

Пульс ускоряется.

Тревога поднимается мгновенно — за неё. Теперь — толь-

ко за неё.

Но сначала — порядок.

Он привык.

— С добрым утром, — произносит он. Голос ровный.

И только потом, тише, осторожнее, чтобы не выдать волнение, добавляет:

— Что с тобой?

— Со мной? — прищуриваюсь.

Боже, он думает, что со мной что-то не так...

Он ведь совсем меня не знает — ни кто я, ни чем занимаюсь, даже имени моего не знает...

Это бьёт резко, как отрезвляющий удар.

То, что было между нами ночью — нежность, прикосновения, поцелуи... — рассыпается, как сон, не переживший рассвет.

На грудь ложится тяжёлая, горькая досада.

Моя ошибка. Слишком быстро доверилась.

Он в кресле, едва живой — как он сможет защитить меня?

Глупая.

Наивная.

Мне нужно уходить. Ехать в больницу, провести лечение, попросить денег у санитарок, как нищенка, а потом — бежать. Куда глаза глядят.

Сол может ждать меня там. Конечно, может.

Поэтому, попрошу кого-нибудь из прохожих зайти внутрь и передать куратору малыша выйти на улицу. Договорюсь о новом месте, но сделаю свою работу — малыш может навсегда лишиться слуха, если откладывать.

Медленно выдыхаю. Сжимаю пальцы. Беру себя в руки.

— Со мной всё в порядке, — произношу ровно. — Я —

целитель. У меня сегодня пациент. Я уже опаздываю.

Он сжимает подлокотники кресла так, что костяшки пальцев белеют.

— Ты — целитель, — хрипло говорит он.

По его щеке проходит судорога — короткая, злая, будто от одного этого слова его перекашивает изнутри.

Меня это цепляет.

Но я не буду препираться. Не сейчас.

— Меня ждут.

— Стой. — Он подкатывает коляску, мгновенно сокращая расстояние — как бросок зверя.

Словно испугался, что уйду.

Слишком большое усилие для человека в его состоянии.

Слишком опасное для него.

— Я тебя отвезу, — говорит он. Голос твёрдый, тяжёлый.
— Тебе нельзя ехать одной. Твой муж будет тебя ждать. А я обещал тебя защитить.

Это не просьба. Он принял решение.

— Подожди минуту, — бросает он и разворачивается к шкафу.

Тянется, хватает сорочку, надевает её почти рывком — плечи напрягаются, под кожей ходят жёсткие линии мышц.

На мгновение его перекашивает — едва заметно.

Но он не останавливается.

Как будто боли нет.

Как будто тело — просто инструмент, который он застав-

ляет работать.

А у меня перед глазами — как он час назад бился в лихорадке.

Как его трясло. Как я держала его, боясь, что он перестанет дышать.

— Тебе нельзя! — вырывается у меня. — Ты должен вернуться в постель, а не разъезжать по городу.

— Одну не отпущу.

Он даже не смотрит на меня. Спокойно застёгивает манжеты — точно, выверенно, как в армии.

И только потом поднимает взгляд.

Тёмный, непоколебимый.

И это выводит меня из себя. Не люблю, когда мои пациенты со мной спорят.

— Ты вообще понимаешь, что с тобой было? — делаю шаг к нему. — Ты у меня на руках умирал! Я каждый удар твоего сердца ловила, как благословение...

Голос срывается.

Проклятие.

— Что за зелья ты принимал? — резко киваю на стол. — Твоя кровь была готова свернуться. Ещё немного — и всё. Тебе повезло, что я была рядом!

Он замирает на секунду. Мрачнеет.

И заправляет сорочку под ремень — спокойно, даже слишком.

Молчит. Ни слов, ни объяснений.

И я вдруг ясно понимаю — не скажет.

Больно царапает изнутри. Мы слишком чужие друг другу, чтобы он раскрыл мне свои тёмные тайны.

В груди становится холодно.

— Всё, я готов, — говорит он так, будто ничего не произошло.

Буднично. Ровно. Как если бы я не кричала на него секунду назад.

— Отлично, — выдыхаю. — Просто прекрасно. Мало того что едва живой — ещё и упрямый до безумия.

Он смотрит на меня чуть дольше, чем нужно.

— Прости, — говорит вдруг.

Я замираю.

— Я не думал, что будут такие последствия. В первый раз так не было.

— В первый раз? — вскидываю брови.

Смотрю на него пристально.

Он в кресле... но всё равно — красивый. У него голубые глаза, взгляд глубокий и рассудительный. Жёсткое, волевое лицо.

Человек, который когда-то был важным и обладал властью.

Но умеет сказать “прости”.

Как же неправильно, что он теперь такой... Что у него сломан позвоночник и мёртв дракон.

— Не принимай больше то, что принимал, — говорю ти-

ше. — Это чёрная магия. Ещё одного раза ты не переживёшь.

Он поджимает губы.

Опять молчит.

И я уже знаю — не слушает. Такие, как он, не отступают от задуманного по просьбе женщины.

— Садись ко мне на колени.

Я моргаю.

— Что?

— Сядь сюда, — повторяет он.

В голосе появляется сталь. Настоящая.

— Ты босая. Я довезу тебя до экипажа. По дороге купим тебе туфли — и поедem в твою больницу.

Он смотрит прямо.

Ждёт.

— Нет, — отвечаю я решительно. — Ты болен, тебе нельзя покидать дом, тем более сажать меня на руки. Вернись в постель, я за тебя отвечаю. А моего пациента... если можно, пошли кого-нибудь, пусть его привезут сюда.

Он улыбается.

Но как-то нехорошо, опасно.

Я чувствую неловкость. Будто сказала что-то не то — и не понимаю, где именно ошиблась.

— Я не болен, — произносит он твёрдо. — Поехали.

И прежде чем я успеваю возразить, он тянет меня к себе — резко, без колебаний.

Сажает на колени, фиксируя одной рукой за талию, крепко, почти жёстко. Второй — уверенно толкает колесо.

Я замираю.

Смотрю на него внимательно: цвет лица ровный, живой. Жилка на широкой шее бьётся спокойно, ритмично. Температура тела — нормальная, насколько я могу судить через одежду, но у меня чуткое осязание.

Он действительно в порядке.

Дыхание касается виска.

— Держись за меня, — хрипло говорит он.

Не просьба. Приказ.

Я доверилась ему в темноте ночи и приняла его руку. Доверяюсь и сейчас.

Осторожно кладу ладони ему на плечи.

Сердце бешено колотится в груди.

Он слишком близко.

Слишком.

Под пальцами — движение мышц, твёрдых, как сталь. Тело у него крепкое, несмотря на то, что он прикован к коляске.

Память предательски возвращает ночь: жар, захлёстывающий сознание, бурлящую страсть, и потом — неожиданную мягкость и уверенность, что я — под защитой.

Я сглатываю.

Ладно. Сейчас он действительно в порядке. А если что — я рядом. Я помогу ему.

А ребёнка всё равно лучше лечить в больнице — там уже настроенная система артефактов, которую я отлаживала почти неделю. Дома — на это уйдёт много времени.

Я замечаю, что коляска у него необычная — в корпусе вплетены магические элементы. Он управляет ею одной рукой, легко, почти не глядя.

Он... совсем не простой человек.

И я до сих пор не знаю его имени.

Я уже собираюсь спросить, как его зовут, но мы выезжаем в просторную, залитую светом гостиную, и он, не глядя на меня, бросает в сторону:

— Карета готова, Вальтер?

— Да, ваша светлость. Уже ждёт.

Высокий мужчина в строгом камзоле вытягивается по струнке, мельком бросает на меня удивлённый взгляд и тут же отводит глаза в потолок, словно я — что-то запретное.

— Хорошо. Отправь Гарету послание, что на совещании меня не будет. В управление заеду после обеда.

— Есть, ваша светлость.

Мне неловко на руках больного, и я даже дёргаюсь, но мужчина держит меня очень крепко, словно хищник в своих лапах.

Вальтер открывает перед нами дверь, и солнечный свет на мгновение ослепляет меня.

А потом я вижу карету.

И сразу понимаю — это не та, что была ночью.

Этот экипаж сильно отличается от всех, которые я видела прежде: он широкий и очень низкий. Дверца шире обычной, распахнута настежь, а нижняя часть откинута и превращена в удобный помост.

Всё продумано. Для него.

Рядом стоит кучер в камзоле и фуражке. Но он не спешит помочь — мужчина сам заводит нас внутрь.

Внутри — только один диван. Второго сиденья нет. Его место занимает коляска.

— Теперь можешь пересесть, тебе будет удобнее на сиденье, — говорит он.

Мне не хочется.

Здесь, у него на руках, странно спокойно. Тепло. Надёжно.

Но я не спорю. Пересаживаюсь.

— Куда едем? — спрашивает кучер.

Мужчина кивает в мою сторону, и я называю адрес:

— Больница на Цветочной улице.

— Езжай через центр. Останови у салона Жеона, — спокойно добавляет он.

Карета трогается.

Я сжимаю пальцы на подоле платья.

Салон Жеона — откуда он знает, что хорошие туфли продают именно там? Он одевал там свою Элизабет?

В груди колет, словно воткнули иглу.

Не думай об этом, Николь. Лучше выясни другое.

— Он будет там, — тихо произношу я. Каждое слово, как камень.

— Я знаю, — отвечает мужчина.

И от его спокойного, тяжёлого ответа в груди всё леденеет.

— Вас с Солом что-то связывает? — спрашиваю, почти не дыша. — Ты ведь не просто так был ночью у нашего дома...

Это точно не было случайностью. Таких совпадений просто не бывает.

Внутри всё сжимается, но я не позволяю страху поглотить меня. Я должна понять, что происходит.

— У вашего дома... — хрипло произносит он.

В его лице что-то на мгновение меняется — и тут же исчезает.

— Теперь твой дом — рядом со мной, — слова звучат непоколебимо.

Я делаю вдох. Медленно.

Чем ближе мы к больнице, тем яснее: затеяна какая-то игра. И правила мне не известны.

Пока.

У Сола — власть, высокий пост, связи. Если он захочет вернуть меня, он сделает это быстро и законно. Моих сил не хватит, чтобы ему противостоять.

Значит, вопрос в другом — что может противопоставить ему мой ночной похититель.

Я бросаю на него взгляд — и тут же отвожу.

Можно предположить, что он безобиден. Но я видела его ночью, и знаю, что это не так.

Моя судьба — вся в его руках.

— Не беспокойся ни о чём, — говорит он так, будто всё решено. — После этой ночи ты под моей защитой. Тебе ничто не грозит.

Он смотрит на меня, и в его глазах горят дикие огоньки.

— Я не спросил твоего имени. Как тебя зовут?

— Николь, — отвечаю тихо.

— Красивое имя, Николь. А я — Гаспар.

Его голос низкий, глухой, с хриплым звериным оттенком — словно где-то под кожей у него затаился настоящий монстр.

Он берёт мою руку — уверенно, словно имеет полное право — и подносит к губам. Поцелуй короткий... но в нём столько надёжности, что у меня перехватывает дыхание.

Тепло расходится по коже.

Я резко втягиваю воздух.

Это реакция тела. Не более.

Я не должна таять, как девочка.

— Что мы будем делать дальше? Как ты будешь действовать? — спрашиваю, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Я ведь замужем.

И у меня получается. Почти.

Карета резко останавливается.

— Женский салон, ваша светлость! — докладывает кучер.

— Дальше, Николь, — Гаспар понижает голос. — Я всё решу.

Он вкладывает мне в ладонь кошелёк:

— Возьми. Купи себе всё, что нужно. Иди.

И выпускает меня из кареты.

А сам остаётся внутри экипажа и смотрит в окно, как я отдаляюсь.

Я сжимаю кошелёк. Тёплый от его руки. Тяжёлый.

У меня теперь есть деньги. Достаточно, чтобы исчезнуть.

Скрыться от обоих мужчин: Сола и Гаспара.

Но я делаю ещё несколько шагов и останавливаюсь. Я не буду убегать — не таким способом точно.

Я оборачиваюсь.

Гаспар всё ещё смотрит. Не двигается. Ждёт.

В его глазах — такая тёмная, глухая тоска, как у брошенного зверя.

Я вспоминаю: «Ты пришла... Элизабет...»

Значит, она оставила его.

Рука невольно делает взмах.

Он отвечает.

И этого достаточно, чтобы внутри снова что-то сжалось.

Опасно.

Я слишком быстро привыкаю к его присутствию.

Встряхиваю головой, резко отворачиваюсь и вхожу в салон.

Выбираю быстро. Туфли, платье. Салон Жеона — для женщин, которые могут позволить себе роскошь. Но цены здесь кусаются.

Сол ненавидел это место.

«У тебя же есть платья. Зачем тебе новые?»

Я стискиваю зубы и отсекаю воспоминание.

Нет.

Сейчас — не о нём.

Мне просто нужен новый наряд. Чтобы сбросить старую кожу.

Я выбираю платье и туфли скромнее, чем могла бы, — не хочу зависеть от денег Гаспара больше, чем необходимо.

Расплачиваюсь. И сразу выхожу.

Он замечает меня сразу.

Как будто не сводил взгляда с двери.

Я подхожу, Гаспар сам открывает дверцу и протягивает руку.

— Ты восхитительна. — Его взгляд медленно скользит по мне — без спешки, без стеснения.

Я чувствую это почти физически и замираю.

Очень давно мне никто подобного не говорил.

Но пора я быстро схлопываю радость.

— Благодарю, — отвечаю коротко и протягиваю обратно кошелёк. — Вот.

Гаспар берёт меня за руку, и в этот раз его пальцы сжимают крепче. Как будто он проверяет, действительно ли я вернулась.

Мы едем дальше.

Внутри стягивается тугая пружина. С каждым мгновени-

ем — всё сильнее. До предела. Я знаю: Сол будет там. И Гаспар тоже это знает.

Что-то случится. Что-то плохое. Я чувствую это кожей. И всё же...

Я решаю довериться этому мужчине — сильному, опасному, хоть и прикованному к креслу, — как доверилась ему этой ночью.

Я смотрю на него внимательно.

Отмечаю детали: тонус мышц, температуру тела, рефлекс. Цепкий взгляд целителя выискивает любые проявления болезни, чтобы успеть помочь в нужный момент.

Но с Гаспаром всё в порядке.

Скрывает усталость после бессонной ночи, но он в порядке.

Карета останавливается у больницы.

Воцаряется оглушительная тишина, как бывает перед грозой.

Выглядываю в окно, осматриваюсь и замечаю на крыльце девушку-куратора в зелёной накидке. Я выпрямляюсь, поправляю волосы и убираю все лишние мысли. Я — целитель и меня ждёт работа. Это сейчас главное.

— Леди Бекфорд! Мы вас заждались! — девушка подбегает ко мне сразу, как только я выхожу из кареты. — Кевин уже внутри!

— Добрый день. Хорошо, я на месте. Сейчас начнём, — отвечаю спокойно.

Оборачиваюсь.

Жду Гаспара.

Кучер уже укладывает доски на ступени, чтобы он мог подняться в больницу.

И в этот момент...

Я чувствую спиной тяжёлый взгляд.

По позвоночнику змеёй пробегает холод.

Я медленно оборачиваюсь.

На крыльце больницы стоит мой муж маршал Сол Бекфорд.

Эполеты сияют на солнце, а на начищенных сапогах можно рассмотреть даже отражение ступеней.

Лицо Сола перекошено от злости, в глазах кипит ярость. Но смотрит он не на меня — на Гаспара.

=====

Дорогие читатели, приглашаю в новинку нашего моба "Генерал с изъяном" от замечательной Эли Шайвел:

“(Не)забытая жена генерала драконов. Я твоё спасение”!

<https://litnet.com/shrt/3lXt>

Для Уа

– Ты сделаешь, как я сказал, или больше никогда не увидишь своих детей, – процедил муж. – Ясно тебе, Сиара?

– Это и твои дети тоже, Гидеон, – с отчаянием прошептала я.

– Нет, это только твои выродки, – зло усмехнулся муж. – Ко мне они не имеют никакого отношения.

– Ты с ума сошёл? Мы зачали их в первую брачную ночь!

– Я не был у тебя первым, но ты этого не помнишь, – самодовольно сказал муж. – Твой настоящий муж бросил тебя, а я подправил тебе память. Так что, кроме тебя, твои дети никому не нужны.

Муж поставил ультиматум: или я отправляюсь вместо его любовницы в Дом Печали, куда «списывают» покалеченных драконов, или он отнимет у меня детей.

Пришлось согласиться. Теперь мой единственный выход – поставить на ноги того, кого боится вся империя. Для этого мне придётся отдать генералу драконов всю свою магию, и я готова заплатить эту цену.

Вот только у него нет желания исцелиться, как и мотива мне помогать. Или всё же есть?

<https://litnet.com/shrt/twak>

Маршал Сол Бекфорд

За окном темнеет ночь, опустившаяся на город, но во дворах роскошных особняков горят яркие огни — свидетельство богатства и роскоши.

Маршал решил, что ничего не случилось. Не было никакого побега, не было неподчинения, и неизвестная карета не увозила прочь его жену.

Туфли Николь и сумку он велел отнести в спальню, тихо и тайно.

Также тайно отправил вдогонку неизвестной карете солдат.

А сам вернулся в дом, к гостям.

Они пьют крепкие напитки, смеются, но маршал стискивает пальцами бокал и больше не участвует в веселье.

— Что случилось, Сол? — спрашивает развеселевший Уинстон.

— Всё под контролем, — отрезает он.

Маршал терпеть не мог выносить напоказ личное. Внутри поднимается глухое давление, требующее немедленного решения.

Его жена посмела предать его. Сбежать. Когда у него в доме — его друзья.

Стакан ломается, и осколки со звоном падают на пол.

— Демоны, — шипит Сол, выхватывая платок из кармана. Несколько капель крови — драконья регенерация быстро затягивает рану.

Друзья долго не задерживаются, заметив, что хозяин не в духе, и разъезжаются.

Маршал подходит к высокому окну кабинета и скрежещет зубами.

Этот особняк в центре. Этот город, распростёртый перед ним, как на ладони. Ему кланяются и торговцы, и чиновники. Все уважают его, маршала королевства Сола Бекфорда. Он хозяин настоящей жизни.

Но одна женщина посмела его послушаться. Его жена.

Он исправит эту ошибку и поставит женщину на место.

Сол медленно втягивает воздух, и в груди поднимается холодная ярость. Как перед атакой.

“Кто он”.

“Кто этот глупец, который решил, что может увезти мою жену?”

“Я оторву ему руки, когда найду”.

Пальцы с силой сжимаются в кулак.

Мысль подкидывает неприятный вариант.

“А что, если это Райден? Вдруг он всё узнал и начал мстить? Полковник Кайзер убит в пытках...”

Сол засаживает заряженный кулак рядом со стеклом.

Концентрация ярости медленно стихает в крови после этого безрассудного удара.

Маршал отходит от окна, наполняет себе бокал и опрокидывает залпом.

Возвращает себе контроль.

— Райден в кресле, инвалид, — хрипло произносит Бекфорд, мотая головой. — Он слишком слаб. Просто не способен.

Ну, допустим, даже если вдруг это он подговорил кого-нибудь устроить Кайзеру пытки.

Полковник всего лишь доставил приказ Райдену. Всего лишь адъютант. Он ничего не знает.

Ничего не было.

А те, кто что-то знают, — это трое его друзей-генералов, которые остались после бала и сидели с ним в кабинете. И полковник Севидж, который был секретарём при штабе. Но на бал Сол его не пригласил из-за низости звания.

Однако Севидж не идиот. Он знает, чем это заканчивается.

Нет, всё это просто совпадение.

Сол медленно усмехается, представляя Райдена в инвалидном кресле. Калеку.

Так ему и надо. Герой, всеобщий любимец. И сын его — молодой талантливый щенок.

— Это Калёб, — знакомил их Гаспар, сверкая белоснежной улыбкой.

Все они обитали в тесной крепости перед битвой с демонами.

— Я завтра веду армию в бой и хочу попросить тебя об одолжении. Присмотри за сыном, Сол, — Гаспар закидывает ему руку на плечо, как другу. — Ему семнадцать, он не должен быть здесь, но упросил меня, и я взял его своим младшим адъютантом.

— Конечно, присмотрю, Гаспар. Не беспокойся.

Тогда они были два генерала, два товарища: Бекфорд — штабист, Райден — боевой, увешанный орденами и медалями. Познакомились здесь же, во время операции, и быстро нашли общий язык. С Гаспаром ван Райденом сходились все — он это умел.

И когда в тёмном кабинете штаба разрывались переговорные артефакты с требованием погибающего в окружении Райдена прислать подкрепление, ворвался его сын Кaleb. Он услышал то, что не должен был слышать.

И тогда...

Дорогие читатели! У нас в мобе "Генерал с изъяном" новинка от Анны Рейнс!

Генерал и целительница. Я тебя (никогда не) забуду

<https://litnet.com/shrt/xL3F>

Анна
РЕИ

— Тебе удвоить содержание, чтобы ты прекратила документать мне своими письмами?

Генерал-дракон сослал меня в отдаленное поместье, уверенный, что я обманом женила его на себе. Мы встретились спустя год. Он потерял память после тяжелой травмы на войне. Я, целительница с редким даром, единственная, кто может ее вернуть. А заодно воспользуюсь случаем и подсуну ему документы на развод...

План идеален. Только почему с каждым днем мне все меньше хочется, чтобы он все вспомнил?

<https://litnet.com/shrt/xL3F>

Бекфорд убил мальчишку сразу.

Магический шар, смертельный удар.

— Закопать в лесу, — приказал своим адъютантам Уинстону и Мердоку.

Совость его совсем не мучила. Важнее было сохранить порядок, не дать разрастись панике.

После той операции, принёсшей огромные потери, его адъютанты стали генералами, героями. А он, Сол Бекфорд, — маршалом королевства.

В рапорте о смерти Калеба ван Райдена было указано: юноша не справился с собственной магией, упражняясь.

А в докладе об операции всю вину за поражение возложили на генерала Райдена, учинившего самовольство в полках. А его, Бекфорда, напротив наградили за чёткие действия и спасение остатков армии.

Он хорошо тогда всё провернул. Катастрофа оказалась его триумфом.

Сол растягивает губы в победной улыбке. Он победитель по жизни. Любую неудачу можно повернуть себе на пользу, главное действовать — и все методы хороши.

Но мысли снова возвращаются к жене, и маршал стискивает зубы.

— Я найду тебя, Николь. Это всего лишь вопрос времени,

— рокошет Сол в тишине кабинета. — Хотела обдурить меня — не получится. Я никогда не проигрываю. Никогда. Даже в самых безвыходных ситуациях.

Побег жены — это ещё лучше, теперь можно обвинить её в измене и сохранить собственную репутацию кристально чистой в глазах общества.

Николь сама вырыла себе могилу.

Скоро он её найдёт — и тогда ей не отмыться от грязи.

И тогда ничто не помешает ему устроить брак с Викторией, ожидающей его наследника.

Наследник.

Маршал прикрывает глаза и довольно усмехается.

Сол хотел сына долгие годы, а бесплодная Николь всё не беременела и постоянно лечилась, тратя его деньги. Давно пора было расторгнуть брак, зачем он так долго ждал? Любил её? Глупости. Она просто была удобной, надёжной: всегда организует пиршество, проследит, чтобы его мундир был вычищен, а ещё ею восторгались его друзья, — и это Сол ценил больше всего. Но золотко оказалось с гнильцой. Пустьшка.

Если мужчина обладает властью, богатством и связями, но у него нет наследника — то всё бестолку.

Нужен ребёнок.

Теперь ребёнок родит другая: более красивая, более молодая.

Маршал готов сорваться к Виктории прямо сейчас. В

особняк, который снимает для неё по-соседству. Но беременную нельзя трогать. Поэтому он продолжал спать с Николь. Он бы и сейчас взял её снова — чтобы напомнить, кому она принадлежит.

В дверь осторожно стучат.

Бекфорд не поворачивается.

— Войдите.

Адъютант входит и замирает, приложив ладонь к фуражке.

— Разрешите доложить.

— Докладывай, — маршал поворачивается.

— Удалось выяснить: завтра в десять утра у вашей жены пациент в больнице для бедняков.

— Хорошо. Свободен.

Сол выдыхает.

— Ты уже у меня в руках, Николь.

Ты пожалеешь, что пошла мне наперекор.

Солнце заливает крыльцо солнечным светом.

Сол спускается по ступеням не спеша, как победитель. На его плечах дорогой плащ — символ власти и богатства. Пальцы затянуты в перчатки. Движения точные, выверенные. Он хозяин положения — и никак иначе.

Он садится в карету.

— В больницу, — бросает кучеру.

Адъютант ещё не закрыл дверцу кареты, как перед экипажем оказывается другой подчинённый.

— Срочное послание, ваша светлость!

Сол смотрит на конверт в руках офицера.

Потом протягивает руку и забирает.

— Поехали, — приказывает кучеру.

Карета трогается.

Маршал откидывается на спинку сиденья и только потом снимает печать с конверта.

Почерк знакомый.

Уинстон.

Сол читает молча, губы чуть сжимаются.

“Этой ночью был убит Севидж. Его пытали.

Охотник вышел на охоту.

Что будем делать?”

Сол перечитывает.

Медленно.

Слово за словом.

Губы его дёргаются, словно в судороге.

Кайзер.

Севидж.

— Пора с этим кончать, пока не зашло далеко, — рычит он, внутри поднимается зверь.

Сол нервно дёргает губой, глядя на то, как Гаспар съезжает с помоста кареты.

Проход узкий для коляски, и Гаспар двигается медленно и осторожно. Вижу, как напряжены все его жилы.

Зрелище тяжёлое.

Инвалид — это приговор.

По нутру прокатывается болезненная волна — Гаспару никто не в силах помочь.

Мой муж лишь усмехается — коротко, хищно — и переводит взгляд на меня.

Цепкий. Уверенный. Непокколебимый.

Неторопливо спускается со ступеней крыльца, будто он здесь хозяин.

И движется прямо на меня.

— Ну, привет, Николь.

На Бекфорде безупречный мундир, эполеты сияют солнцем, на руках — кожаные перчатки, и в пальцах лениво покачивается плеть.

Он улыбается.

И от этой улыбки внутри всё сжимается в тугой узел.

Нашёл. Настиг. Настоящий хищник.

«Вот и попалась, Николь. Тебе от меня не уйти», — говорит его взгляд.

Внутри поднимает холод.

Сначала сковывает пальцы. Потом плечи. Горло.

Я не двигаюсь.

Медленно возвращаю себе контроль.

Выпрямляю спину. Делаю ровный вдох и направляю спокойный взгляд на Сола.

— Здравствуй, Сол, — отвечаю я.

Он не увидит, как мне страшно.

И никто не увидит.

Когда между мной и мужем остаётся всего пара шагов, Гаспар вдруг выезжает вперёд.

Прямо между нами.

На своём кресле он полностью перекрывает путь — так, что обойти его значит замешкаться, потерять лицо.

Ломается картина, в которой Сол приходит, берёт своё и уходит победителем.

Возникает преграда.

У меня появился защитник.

Сол опускает взгляд. Медленно. Оценивает.

И его губы растягиваются шире.

— Ну надо же, — говорит он почти весело. — Какая встреча. Как ты поживаешь, дружище? Где ты встретил мою жену? — кивает на меня, как на вещь.

«Дружище».

Значит, я не ошиблась.

Они знакомы. Их что-то связывает, что-то старое и непри-

ятное.

Гаспар улыбается — спокойно, даже лениво.

И в этой спокойной улыбке слишком много от зверя.

— На дороге, ночью, — говорит он. — И она теперь — моя.

Заявляет твёрдо и непоколебимо.

Воздух между мужчинами густеет, становится тяжёлым, вязким.

Дышать сложнее.

— То есть ты забрал мою жену, Гаспар? — тянет Сол. — Ты? Серьёзно? И как же ты сумел? Я думал, у тебя ничего не работает.

Он кривится — брезгливо, с удовольствием.

Поигрывает плёткой и давит энергетикой — как отлично умеет это делать.

— Я. Забрал твою жену. Николь теперь принадлежит мне, — спокойно отвечает Гаспар. — Отойди, Сол. Не пугай мою женщину.

Сердце сбивается.

Он защищает.

И в то же время — присваивает. Жёстко, властно. Выгрызает меня у другого.

И меня это только сильнее пугает. Словно я добыча.

По лицу Бекфорда пробегают судороги. Это означает, что злость Сола достигла предела.

— Ты знаешь, что за это полагается, Гаспар? — тихо, с нажимом произносит Сол, резко ударяя плетью по ладони.

Гаспар улыбается шире.

Его глаза разгораются опасным тёмным свечением — словно он только этого и ждал.

За этим пришёл.

— Дуэль, — произносит Гаспар низким давящим голосом.

Слово падает между ними, как выстрел.

Я чувствую, как холод скользит по позвоночнику.

Пальцы сжимаются сами.

Нет. Только не это. Я не могу допустить кровопролития.

— Сол, — произношу я. — Ты встанешь в поединок с калекой? Тебя засмеют. Твоя карьера этого не переживёт.

Мой голос ровный, почти пренебрежительный. В нём нет ни капли жалости или мольбы — я знаю, если Сол их услышит, душу вывернет.

В моих словах только холодный расчёт.

Муж смотрит на меня.

Долго.

И вдруг усмехается.

— Николь... ты как всегда думаешь о моей репутации. Ты такая заботливая даже, когда прыгнула в постель к калеке. Так не хочешь, чтобы я списал тебя в монастырь?

Слова бьют точнее пощёчины.

Перед глазами чужая женщина в моём доме. Муж целует

её на столе. Монастырь. Я больше не нужна.

— Ты права, — добавляет Сол мягко. — Ван Райден безногий калека, стрелять в него... не мой уровень.

Ван Райден.

Имя отзывается внутри ледяным холодом.

Тот самый генерал, которого обвинили в ошибке. Попал в плен. Потом пошёл под трибунал.

Я слышала его имя вчера.

Сол говорил о нём за закрытой дверью кабинета.

Теперь у меня нет сомнений, что я попала в руки к злейшему врагу своего мужа.

В груди всё сжимается от осознания, в какую ловушку я угодила.

=====

Дорогие читатели, знакомлю вас с острой эмоциональной историей нашего моба "Генерал с изъяном" от Екатерины Гераскиной:

"Целительница для генерала. Я его лекарство после развода"

<https://litnet.com/shrt/9Jqt>

Екатерина
ГЕРАСКИНА

— Ты калека, Нортан! А я так молода! Я хочу развестись с тобой! — кричала супруга генерала.

Нортан Харддрэй в свои тридцать — калека, который едва может передвигаться в инвалидном кресле. Генерал изуродован и ослаблен.

Хотя некогда он был опасным, стремительным и беспощадным.

Я в свои почти двадцать — дважды вдова. Я не терплю мужских прикосновений и всё детство провела в подвале.

От генерала отвернулась семья. А моя была ко мне безжалостна.

Моя задача — поднять его на ноги, чего бы мне это ни стоило. Потому что тогда император согласится удовлетворить моё самое заветное желание.

Только мне придётся использовать свой тайный дар. И главное, чтобы о нём не узнал генерал.

<https://litnet.com/shrt/-Nq6>

— Что ж, так даже лучше. Хорошо, что ты нашла благодетеля, Николь, — усмехается Сол, лениво ударяя плетью по ладони. — Не придётся платить за твоё содержание в монастыре. Но ты же понимаешь, какой позор тебя ждёт?

Я сжимаю пальцы, ногти впиваются в кожу, но взгляд мой остаётся холодным.

— Никакого позора не будет, — тихо произносит Гаспар. — Мы поженимся.

Сол поворачивается к нему, с интересом. Почти с удовольствием.

— Поженитесь, — мягко отвечает он. — Я ещё не развёлся. Она — моя жена, — его голос холодеет. — Ты забрал. Мою. Жену.

Сол скользит взглядом по телу Гаспара, морщится.

— Будь ты на ногах, я бы вызвал тебя на поединок, не сомневайся.

— Так вызови, — спокойно бросает ван Райден. — Или боишься, что я тебя убью?

Жёстко. Без колебаний.

Сол на секунду замирает, затем склоняет голову, морщится.

— Ты... — тянет он. — Ты вообще оружие удержишь? Серьёзно?

И вдруг смеётся. Резко. Громко.

— Я не стану стреляться с калекой из-за объедков, — холодно говорит Сол. — Слишком много чести. Забирай, Гаспар. Дарю тебе — с барского плеча — старую, бесплодную жену. Пользуйся на здоровье.

И переводит взгляд на меня.

— А ты, Николь... вспомнишь меня, когда будешь подтирать за ним.

Я поднимаю взгляд. Холодный. Ясный. Стальной.

— Я уже вспоминала тебя. Какой ты, оказывается слабак в постели, по сравнению с ним, — коротко произношу я. — Мне было хорошо, как никогда.

По лицу Бекфорда пробегает судорога.

— Ты предала меня, — тихо, сдавленно говорит он. — Все эти годы я тебя содержал. Платил за твоё бесполезное лечение. А ты вместо тихого развода устроила это.

— Ты забыл, что ЭТО начал ты, — говорю твёрдо.

— Думаешь, я позволю тебе продолжишь свою жизнь, как ни в чём не бывало? — Сол коротко кивает в сторону больницы. — Не надейся. Я тебя раздавлю. Сегодня же сюда придут люди — и от этой богадельни ничего не останется.

Я сжимаю зубы. В груди болезненно пульсирует, но эмоций не показываю. Сол не увидит, что взял меня за живое.

Гаспар тянет меня за руку к себе. За себя. Словно выводит с поля боя.

— Развод. Я жду, Сол, когда ты его оформишь, — произ-

носит он твёрдо.

— Не беспокойся, долго ждать не заставлю. Я не буду держать в жёнах шлюху. Идите ко дну счастливо вместе! — бросает Бекфорд и уходит, криво усмехаясь, как победитель.

Я поворачиваюсь к Гаспару. Он смотрит на меня прямо, тяжело, внимательно.

— Ты в порядке? — произносит он.

Гляжу на него.

Понимаю: для него я инструмент, способ досадить Солу. Это больно.

Больнее только осознавать то, что теперь, когда я для Сола — пустое место, Гаспар может уйти. Просто забыть меня.

А если он уйдёт — Сол дожмёт меня и отыграется за всё. К горлу подкатывает ком.

Ну, ты и вляпалась, Николь.

Провела лучшую ночь в жизни и была обманута. Как больно.

Делаю глубокий вдох, возвращая себе контроль.

— Я в порядке, — отвечаю. — Извини, мне нужно к пациенту.

Разворачиваюсь.

Спешу.

Меня ждут.

Запах лекарственных эликсиров встречает у входа, отбрасывая эмоции за порог. Я надеваю халат, мою руки — холодная вода помогает окончательно взять себя в руки.

— Привет, — коротко улыбаюсь темноволосому мальчику лет пяти, ожидающему в приёмной.

Он хмурится, пытаюсь понять.

— Здравствуйте, — отвечает неуверенно.

Ласково треплю его по головке.

— Давай ручку, не бойся. Идём.

В комнате с артефактами я помогаю забраться на стол. Процедура длится почти час. Я работаю сосредоточенно, отсекая всё лишнее: страх неизвестности, обиду и злость.

Я завершаю последний этап, и тогда позволяю себе выдохнуть.

— Вот и всё, — произношу спокойно. — Теперь ты слышишь меня?

— Я слышу, — шепчет малыш, затаив дыхание. На его лице радость.

Я улыбаюсь — ради этого я живу.

Но Сол грозит закрыть больницу. А он не бросает слов на ветер.

Внутри накатывает отчаяние. Я должна действовать.

Иду к управляющей и прошу собрать всех в моём кабинете. Нужно объявить о возможном закрытии и решить, как перераспределить пациентов.

Бросаю взгляд в окно и понимаю, что кареты ван Райдена там уже нет.

Уехал.

В груди повисает неразрешимая тяжесть.

Что ж, этого следовало ожидать. Наша встреча с самого начала — была игрой.

А теперь перед тобой жестокая реальность, Николь.
Толкаю дверь кабинета. А там...

=====

Дорогие читатели, приглашаю в новинку нашего моба "Генерал с изъяном" от Ольги Коротаевой:

##Целительница для бессердечного генерала##

<https://litnet.com/shrt/pOxh>

– Неужели ты поверила, что я отпущу такую сладкую птичку? – его шершавый шёпот обжигает холодом, а золотые глаза обещают погибель.

Генерал Мортимер ван Шард потерял в битвах за короля... сердце. Теперь он бессердечное чудовище и забирает то, что само пришло в его руки. Но Айрини – не просто жертва. Она та, кто заставит его зрачки снова стать человеческими... хотя бы на миг.

ол

<https://litnet.com/shrt/fW61>

Гаспар

Севидж твердил, что ничего не знает. В штабе, когда нужно было следить за боевой операцией, получать донесения и вовремя реагировать, он был секретарём. Но на вопрос Гаспара о том, что тогда происходило, ответил, что в тот день приболел и ничего не знает.

Но у Гаспара были списки награждённых за его поражение в тот день. За его плен. За его потери.

И в этих списках Севиджу полагалась медаль за отвагу, которую он гордо носил на левой стороне груди.

Гаспар не сводил глаз с этой медали, когда ломал пальцы — не спеша, по одному за каждую погибшую в окружении роту.

Севидж во всём сознался. Закричал, как раненый зверь.

И выдал Гаспару признание, которое чуть не выбило почву у него из-под ног.

— Мы думали... думали, будет тихо... Обычный день. Ван Райден работает безупречно, и в штабе в такие дни скучно. Проклятые утки... Мы пошли пострелять в уток... А когда... Когда вернулись.... Вино... Поздно увидели... Слишком поздно... Сообщения от разведки, о том, что к ван Райдену наперерез вышло массивное демоново подкрепление... Артефакты связи не работали... Уинстон их забыл вклю-

чить... А когда... Когда включил, там такой мат от Райдена стоял... Мальчишка его, Калерб... Вошёл и... Всё услышал. Увидел, что мы пьяны. Бекфордего сразу... Сразу... Застрелил его, прямо там... Записи на артефактах стёр... Разведчиков приказал убрать Мердоку... Только мы знали правду.... Я признался тебе, пощади-и-и! Ты один из тех солдат, кто попал в окружение, да? Я дам тебе денег! Сколько хочешь, только не убивай!

Гаспар сжимает ему горло. Быстро. Точно. Ломает шею. За сына, за солдат, за предательство. Без суда. В суде у Бекфорда всё проплачено.

У Севиджа это было не единственное предательство. Гаспар вышел на него неспроста. Он долго читал личные дела, искал, высчитывал, кто подставил его и как. Севидж уже подставлял людей, проявлял халатность в службе. Несколько рапортов, но всё замято.

В итоге его солдаты почти все мертвы.

Их окружили во время операции и вовремя не предупредили об угрозе. Не направили подкрепление, когда ещё можно было спасти.

Из полутора тысяч из окружения пробилась пара сотен. И тех бы не было, если бы Гаспар ценой своей жизни не сдерживал натиск демонов.

Он держал щит долго, как мог. А потом потерял сознание от потери крови. Попал в плен к демонам. Жестокий, полный издевательств.

Генерал оказался в руках врага. Ему ломали кости, медленно, чтобы он кричал. Выжгли дракона. А потом отпустили на посмешище. Как напоминание всем в королевстве, ЧТО бывает с теми, кто идёт против демонической орды.

А дома его встретил трибунал. Обвинение, что он сам провалил операцию.

И новость о гибели сына.

Почти год в госпитале на грани жизни и смерти.

Уход жены.

Элизабет пришла к нему в госпиталь лишь один раз.

Взгляд, которым она на него посмотрела — он запомнил навсегда.

Это была жалость к калеке, немое обвинение в утрате сына и... откровенное отвращение. Для неё он больше не был мужчиной, не был мужем. Был жалким раненым калекой, лишённым звания, наград, денег.

Потом ему вернули звание, и он вышел в отставку по-человечески благодаря друзьям.

Но жена уже танцевала на балу с другим.

Два год с момента той битвы. Два года крошечной тьмы, предательства и одиночества.

Он уже не ждал ничего.

А потом он увидел Николь.

Гаспар

“Мне было хорошо, как никогда”, — он прокручивает в голове её слова.

Про их ночь.

Запоминает их.

Она не лгала — он точно знает.

Внутри поднимается что-то чисто мужское. Удовлетворение. Такое нужное для него. Услышать от женщины такие слова. Она приняла его. Не оттолкнула.

Он окунается в воспоминания ночи.

Её сбивчивое дыхание на его шее, её нежные руки, обнимающие его. Её стоны и сладкое биение в экстазе.

Это было.

У них.

Вчера. После мести Сэвиджу. Он впервые увидел эту женщину и пропал.

Он ни на что не надёялся, когда ехал к дому убийцы сына, — от него пахло кровью и яростью, — и пока ноги работали под действием эликсира, он хотел успеть присмотреться к врагу, оценить.

Всюду была охрана.

Дом Бекфорда похож на крепость.

Но за плечами Гаспара ни одна взятая крепость.

И вдруг он увидел женщину, перелезающую через забор.

И Бекфорда, который пытался женщину остановить. Поймать, уничтожить, как уничтожил его сына.

Женщина отчаянно нуждалась в помощи — и Гаспар вышел из засады.

Он украл её прямо из-под носа врага. Забрал себе, присвоил — потому что никто больше не защитил бы её — женщину сильную и смелую. И безумно красивую.

Он сразу весь к ней потянулся. Она пахла цветочными духами и будоражила его. Он еле дотерпел, пока довёз до дома.

А там...

В постели она оказалась нежной и безумно страстной. И позволяла ему делать всё так, как он хотел. С Элизабет приходилось просить. Она не позволяла ему брать, как он хотел. Сколько хотел. А Николь поощряла. Всё поощряла. И дрожала в его руках, царапала плечи, целуя его и прижимаясь.

Для мужчины это много значит.

Очень много.

И теперь она под его защитой. Он не позволит ей навредить. Не позволит ударить по её репутации.

Его Николь. Теперь — его.

С ней тьма отступала, и одиночество переставало сдавливать рёбра.

Она убежала в больницу, к пациенту, оставила его одного у порога.

Он смотрит ей вслед. В груди всё сжимается.

Он чудовище для неё, калека.

Он провёл с ней всего одну ночь, но не хочет больше отпустить.

Он смотрит на часы, прикидывает, сколько у него времени. Потом бросает своему кучеру:

— Доедем до центра. У ювелирного останови.

Гаспар отправляется в ювелирный салон и выбирает роскошный брачный браслет, а в соседнем цветочном берёт огромный букет красных роз. Хочет порадовать, показать свои намерения. Он обещал защитить, он провёл с ней ночь, он хочет ещё.

Гаспар едет обратно в больницу, спускается в коляске на тротуар, взбирается по настилу на ступенях.

Навстречу выходит управляющая — пожилая женщина в белом чепце. Учтивая.

— Вы ведь не пациент? — произносит она, глядя на цветы у него на коленях.

Она слышала утреннюю сцену. Все слышали.

— Нет, — отвечает Гаспар.

— Тогда можно попросить вас переставить экипаж, чтобы могли подъехать тяжелобольные.

— Не вопрос. Вальтер, переставь карету.

— Благодарю вас, лорд, — кивает она, придерживая ему дверь.

Коридор узкий, и Гаспар пытается встать плотнее к стене, чтобы не мешать проходу.

— Вы к леди Бекфорд, верно? — уточняет управляющая.

— К леди ван Райден. У неё будет другая фамилия.

— Николь сейчас на процедуре. Если хотите, я провожу вас в её кабинет, там будет удобнее ждать.

— Проводите.

Когда управляющая разворачивается уйти, он её останавливает.

— Не говорите Николь, что я здесь. Это личная просьба.

Женщина переводит взгляд на цветы и улыбается.

— Не скажу.

— Спасибо.

Гаспар въезжает в кабинет, разворачивает коляску лицом к двери и замирает. В центре комнаты. С букетом на коленях и шкатулкой.

Ждёт.

На стене зеркало и он видит своё отражение в тёмном мундире. Седой. Боевой генерал. В коляске.

Внутри сомнения, вдруг она откажет?

Будь он с ногами — он бы не спрашивал. Он бы добился её, взял в осаду.

А так...

Он ведь и сам понимает, что калека, что с ним сложно. И сколько ему осталось — не известно, болезнь забирает у него всё больше и больше, и целители не могут помочь.

Это не брак по любви.

Он ей сразу предложил сделку. Потому что по-другому

она бы не согласилась.

Он даст ей защиту. Выкупит для неё больницу. Оставит наследство.

Но сначала отомстит тому, кто убил его сына и посадил в проклятое кресло.

Гаспар поднимает взгляд на дверь.

Ему важно увидеть её глаза, когда она войдёт. Почувствовать, есть ли отклик к нему — инвалиду. Если нет, то он не будет пытаться тащить её в постель, не будет настаивать. Только защита, только выполнение своих слов.

Дверь неожиданно распахивается, и внутри всё застывает. Входит его Николь.

Я вступаю на порог кабинета и замираю.

Там — Гаспар.

Он не уехал.

Он здесь, ждёт. На коленях — розы — большой букет, очень щедрый.

Неужели мне?

Нутро затапливает благодарность к этому мужчине. За то, что спас. За то, что не ушёл. Без него — я бы была уже на пути в монастырь.

Он смотрит на меня как на самую красивую женщину на свете, хоть на мне целительский халат, а лицо осунулось после последних суток.

Всё это так неожиданно, что сбивает с толку.

Он враг моего мужа.

Я же думала, что он использовал меня и теперь уйдёт. Но он здесь. Почему?

Гаспар смотрит прямо на меня, в глаза. В самую глубину. Сердце резко сбивается с ритма.

Слишком...

Слишком сильно... на него реагирую.

Перед мысленным взором его руки, ласки. Страсть, обжигающая пожаром. Сплетённые тела, толчки быстрые, безумные. Голова кругом...

Тело мгновенно отзывается, реагирует быстрее, чем я могу взять это под контроль.

Пальцы невольно вздрагивают.

Гаспар смотрит на меня, и в его голубых глазах вспыхивают дикие звериные огоньки.

Я опускаю взгляд.

Закрываю дверь за спиной с тихим щелчком. Быстро моргаю и собираю волю в кулак.

Не хочу выглядеть перед ним слабой, нуждающейся в нём.

Скорее всего я нужна ему для чего-то — поэтому он здесь.

Я заставляю себя сделать шаг. Ещё один. К шкафу. Снимаю привычным движением халат.

— Не устал ждать? — произношу я.

Голос звучит слишком интимно в тишине.

Гаспар разворачивает коляску в моём направлении.

— Нисколько. Как прошла процедура с мальчиком?

Он запомнил, что я лечила мальчика. Даже если этот вопрос просто формальность — Сол никогда не интересовался.

Внутри что-то приятно сжимается.

— Всё хорошо. Он теперь будет слышать, — отвечаю и, повесив халат, медленно разворачиваюсь к Гаспару.

Он бледен. Слишком. Сердце делает тревожный удар — как же я за него опасаюсь. Этой ночью я держала его жизнь в своих руках, и теперь у меня странное чувство — желание присвоить себе его самого.

— Как твоё самочувствие после лихорадки? — произно-

шу я. — Тебе нужно...

— Николь, — прерывает он.

Голос ровный. Чуть хрипловатый.

— Я хотел тебя поблагодарить. За ночь. За помощь. И я предлагаю тебе выйти за меня замуж.

Он подкатывается вперёд и открывает шкатулку, в которой сияет брачный браслет.

Сердце делает кульбит и взрывается фейерверком.

Я смотрю на драгоценность, потом — в глаза мужчине.

Пытаюсь понять, какая у него в этом выгода. После предательства мужа я не верю в любовь, тем более с первого взгляда. У всего есть своя причина.

И причину Гаспара — отомстить за что-то моему мужу. Он рвался на встречу в больнице, как взбесившийся зверь. И вышел бы на дуэль — если бы я не вмешалась.

Рядом с Гаспаром — у меня есть шанс. Но каким будет наш брак...

Отчаяние, как стальные тиски, сжимают грудь. Я медленно провожу пальцами по ключице, облегчая себе вдох.

Гаспар опускает голову и чуть заметно усмехается, словно сам себе.

— Ты боишься. Не доверяешь. Это разумно, — произносит он. — Не волнуйся, брак — это сделка, Николь. И ты в ней тоже выиграешь.

— Сделка? — не понимаю я.

— Просто будь рядом, продолжай быть моей. Взамен у

тебя будет защита. Обеспечение. Я сделаю всё, чтобы твоя больница не закрылась.

А что выиграешь ты? — хочу спросить его. Но от догадки к лицу приливает кровь, и я молчу. Я согласилась один раз, почему же думаю, что не соглашусь второй? Но ведь он теперь... В кресле...

Это очень сильные обещания: больница, защита...

Согласиться — значит, вступить в игру, подписаться подо всем, что бы этот мужчина ни задумал и идти с ним рука об руку.

Отказаться — равно умереть.

Сердце делает глухой удар.

Я смотрю на цветы — и вдруг внутри мелькает, словно призрак, надежда. На хороший исход. На исцеление — его и моё.

— Я согласна, — произношу я.

Гаспар берёт меня за руку и застёгивает брачный браслет. Его пальцы тёплые, уверенные.

Закрыв замок, он подносит мою кисть к губам и целует.

По коже проносится разряд.

Галантный в каждом движении. Сильный. Настоящий мужчина.

Лёд внутри трескается, и в груди по-настоящему теплеет.

Гаспар держит меня за руку.

Мы глядим друг на друга в тишине комнаты.

Я хочу ему верить. Хочу довериться. Но я ничего не знаю

о нём.

После предательства мужа — внутри трещина, заполненная страхом.

Теперь я должна думать о себе и не полагаться на веру слепо. Этот брак — сделка, сказал он. Он мне — защиту, я ему — себя.

— Цветы — это тебе, — хрипло произносит Гаспар, протягивая букет.

Наконец-то подарил.

Прижимаю цветы к груди. Сладкий аромат спелых роз почти пьянит.

Запах новой жизни.

Это слишком приятно, для такого формального слова, как “сделка”.

Я только что связала себя с опасным человеком.

И самое страшное — мне это не противно. И даже... Даже необходимо.

— Спасибо, — вдохнув ещё раз аромат роз, опускаю букет и добавляю: — Но у меня есть условия.

Гаспар с интересом наклоняет голову.

— По вопросу твоего лечения. Я хочу этим заняться. Взять в свои руки полностью. Ты расскажешь мне всё?

=====

Дорогие читатели, приглашаю в новинку нашего моба Генерал с изъязном от Энн Шайн:

ПЛОД ПОРОКА ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА
<https://litnet.com/shrt/ALNp>

Энн Майн

— Помогаешь мне? А если я злодей? — усмехнулся окровавленный мужчина.

— Сиди смирно, злодей, — фыркнула я, доставая заживляющее зелье, — а то точно помрешь раньше времени!

Я — плод порока. Двадцать один год назад мою мать, оклеветав, с позором вышвырнули из поместья уважаемого лорда. На тот момент она уже носила под сердцем меня. Мы жили в бедности, пока страшная болезнь не забрала ее. Но перед смертью матушка решила отправить письмо отцу и рассказать о моем существовании. Высокомерная родня, скрипя сердце, приняла меня в свою ядовитую семью. Роскошный особняк оказался настоящим змеиным гнездом. Они думают, что я — слабая, забитая сирота, которая покорно склонит голову. Но я никому не дам себя в обиду. Особенно теперь, когда тот самый "злодей", за которого так мечтают выдать моих сестер, узнал в новоявленной аристократке свою спасительницу...

https://litnet.com/shrt/f_Yw

Гаспар долго глядит на меня.

Ну же, ты со мной спал. Я имею право знать твою историю, — мысленно проговариваю я, не отводя взора и прижимая цветы к груди.

Он склоняет голову набок и чуть заметно кивает, словно решил.

— Ты сильная Николь. Целительница, — подчёркивает слово. — Ты должна это знать, — он смотрит на меня. Взгляд его спокойный. Очень спокойный. — Я неизлечимо болен. Паралич скоро доберётся до сердца, потом до мозга. В крови — яд демонов.

По спине пробегает леденящий холод. Я шире распахиваю глаза, а букет опускается сам.

Когда Гаспар был в лихорадке, я не исследовала его кровь. Увидела, что спина сломана и не стала проводить полные проверки... Я видела это на войне. Яд демонов выжигает дракона за часы. Потом — добывает тело.

Выживших не бывает.

— Яд выжег дракона. Звериная регенерация перестала работать, — произносит Гаспар глухим голосом.

В горле пересыхает от его слов. Я сглатываю.

— Я поняла. Я проверю твою кровь. Сама, — говорю я.

— Николь, — произносит Гаспар. — У меня было мно-

го целителей. Они уже искали. И нашли только один вариант лечения — нужен новый образец совместимой для меня крови от прямого родственника. Родители, братья или сёстры, дети. У меня — уже никого нет.

Он тяжело вздыхает и сжимает пальцами подлокотники.

— Если передумала идти за меня — скажи сейчас.

— Я не боюсь яда, Гаспар. Ты меня плохо знаешь, — отвечаю я.

Откладываю букет в сторону и тянусь к целительскому чемоданчику — мне нужен артефакт, способный выявить яд в крови. Я хочу проверить всё сама.

— Кто с тобой работал из целителей? Я могу с кем-то поговорить? — произношу, доставая кристалл.

— Гидеон Риммер. Мой целитель, — глухо произносит Гаспар, наблюдая за моими действиями.

— Магистр Риммер, сейчас он министр целительной магии, — изумляюсь я.

Я читала его книги, когда училась целебному искусству. Знания и опыт этого человека не оставляют сомнений в компетенции.

— А он знает, что ты применяешь зелья с чёрной магией? — прищуриваюсь я.

— Он сам сделал их для меня.

— И ты называешь его целителем?

— Он мой друг.

— Устрой нам встречу, Гаспар. Я хочу обсудить твоё со-

стояние.

Очередь Гаспара прищуриваться.

— Николь, это не лечится, — говорит он резко. Взгляд прямой, суровый. — Оставь это.

— Пока сама всё не проверю, не оставлю. Просто не смогу спать, зная, что сделала не всё, что в моих силах.

Я бросаю взгляд на дорогой красивый браслет на руке и осторожно его касаюсь.

— В прошлом браке я жила, как было удобно моему мужу. Больше я так не хочу. Я буду делать то, что считаю нужным.

Поднимаю взгляд на Гаспара.

— Если тебе не подходит такая жена, то остановимся сейчас, — произношу негромко.

Замираю.

Жду.

Он смотрит на меня так, словно только теперь впервые увидел. В глазах — искры.

И сердце ускоряет ритм.

— Я устрою тебе встречу, — произносит он. — А сейчас, — Гаспар бросает взгляд на карманные часы. — Мне нужно на совещание. У тебя есть ещё пациенты сегодня?

— Сегодня нет, но завтра — двое. Я беру сложных, более простыми случаями занимаются два других наших целителя.

— Хорошо, тогда я отвезу тебя домой.

— Подожди, сначала, проверим тебя.

Я подхожу к Гаспару с артефактом, и кристалл начинает

светиться, как праздничная гирлянда.

В его крови яд. Много яда.

Возвращаемся домой в молчании.

— Может, мне поехать с тобой? Чтобы быть рядом, если повторится приступ, — произношу, когда карета останавливается у мрачного особняка на окраине города.

Здесь прошла наша ночь, и я не хочу ждать его одна в пустом доме.

— Я ненадолго, Николь. Решу несколько вопросов и приеду. Со мной всё в порядке.

Тяну руку и щупаю его лоб. Жест обычный для целительницы, но когда касаюсь сидящего напротив мужчины, по коже проносится сладкий разряд.

Тело слишком сильно реагирует.

— Жара нет.

— Я же сказал. Я провожу тебя до дома.

Слуга открывает дверцу, опускает помост.

Я выхожу первой и жду когда выберется Гаспар.

И вдруг раздаётся хлопок — звук магического выстрела.

В ту же долю секунды я чувствую удар. Тупой толчок. И вдруг перед глазами земля.

Я не успеваю сообразить, что произошло.

Только чувствую тяжесть на себе.

Гаспар.

Он накрыл меня собой, словно щитом.

И теперь я, придавленная мужским телом, лежу на земле.

Он слишком тяжёлый и пугающе неподвижный.

— Гаспар, — шепчу я.

Он не отзывается.

— Гаспар! — кричу громко, чувствуя, как накатывает паника.

Я стискиваю зубы, беру себя в руки.

В воздухе витает горький запах магии и смятых роз, которые я держала в руках.

Запах, от которого внутри всё сжимается.

Выстрел. Кто-то стрелял. Покушение. Мысль чёткая, как лезвие.

— Леди Николь, сейчас! — кричит кучер, приподнимая Гаспара за плечи.

— Господин!

Шаги. Звон оружия. Гаспара переворачивают сразу

несколько мужчин в форме.

— Вы в порядке? — спрашивает мужчина с капитанскими эполетами, подавая мне руку.

— Да... — отвечаю я. И тут же кидаюсь к Гаспару: — Гаспар!

— Стреляли из-за угла — всё проверить! — приказывает капитан солдатам. — Лорда ван Райдена отнести в дом.

— Нет, не трогать! — жёстко бросаю я.

Солдаты замирают.

Я кладу ладонь на шею Гаспара.

Пульс есть.

Слабый.

Неритмичный.

Но он жив.

Дальше я работаю с ледяным хладнокровием. Не как женщина, его невеста, а как военный целитель.

Вскрываю одежду на груди. Сильный ожёг на верхней части и задето плечо. Магический разряд прошёл насквозь, и судя по обуглившимся краям раны — очень сильный.

Я сжимаю зубы, закрываю глаза и ныряю глубоко в поток своей целительной магии.

Энергия вокруг раны злая, агрессивная, рвущая ткань дальше и глубже. Я фиксирую её и гашу. Возвращаю к жизни повреждённые ткани.

Выдыхаю и открываю глаза.

Тянусь к чемоданчику, лежащему рядом на земле, достаю

целебный эликсир и умелым движением вливаю Гаспару в рот. Дальше — специальная мазь на рану. Осторожно наношу на обожжённую поверхность.

Гаспар не приходит в себя.

— Теперь его можно перенести в дом, — говорю, поднимая взгляд на капитана. — Только осторожно.

Он кивает двоим солдатам, и те осторожно поднимают Гаспара.

Капитан идёт вперёд, держит дверь.

Я хватаю свой лекарский чемоданчик и шагаю рядом на негнущихся ногах.

Не хочу верить, что он может умереть. Но всё очень серьёзно. Заряд армейский, рассчитанный на поражение высших демонов, и он прошёл сквозь тело Гаспара, у которого нет никакой магической защиты. Может начаться заражение крови, отказ органов.

Кто мог стрелять? Армейскими зарядами? Это мог сделать Сол. Разозлился за мой побег и решил убрать меня? Или Гаспара?

Кровь холодеет в жилах от осознания, что кого-то из нас хотели убить.

— Вы сможете выставить охрану у дома? — обращаюсь к капитану.

— Обязательно, леди... — он хмурится, не знает моего имени.

— Николь, — представляюсь я.

— Георг Метс, начальник охраны.

Навстречу выбегает седой повар в фартуке.

— Что с господином? — спрашивает он капитана.

— Стреляли, — отвечает Георг.

Гаспара укладывают в спальне на первом этаже.

Той самой, где мы провели ночь.

Кровать смята. Ещё недавно здесь были мы.

— Всем покинуть спальню, — приказываю я.

Оставшись с Гаспаром, я сама его раздеваю, накладываю повязку на рану.

— Ты обещал меня защищать. Не умирай, слышишь? — шепчу ему.

И накрываю одеялом.

Внутри с глухой болью бьётся сердце.

Несправедливый выстрел. Нужно найти того, кто это сделал. Нужно обратиться в полицию. Я не оставлю это так.

Выхожу в гостиную.

Дом гудит. Капитан, повар, кучер и солдаты.

Напряжение ощущается кожей.

— Он жив, — произношу я, обведя всех взглядом. — Состояние тяжёлое. Но стабильное.

— Нужно найти того, кто это сделал. Вы осмотрели место, откуда стреляли? — поворачиваюсь к капитану Метсу.

— От особняка отъехала карета, чёрная, без гербов.

— Опишите на бумаге всё до деталей. Вызовите полисмена.

— Есть, — отвечает капитан.

Гостиная пустеет.

— Может быть, сделать вам чаю, леди? — спрашивает повар.

— Можно, спасибо, — киваю я. — Я леди Николь.

Называю своё имя. Меня никто из людей Гаспара не знает. Но я теперь здесь хозяйка.

— Николас, начальник хозяйственной части, повар и прислуга по совместительству, — представляется в ответ мужчина. — Сейчас принесу чай. — И скрывается в кухне.

Тишина заполняет комнату.

Собираюсь вернуться к Гаспару, но взгляд натывается на портрет над камином.

Гаспар. В военной форме. Высокий, сильный и стоит на своих ногах. Глаза синие — живые, взгляд полный силы и решимости. Он очень красивый мужчина, настоящий — и кажется, что любая женщина приняла бы за счастье быть рядом.

На портрете с Гаспаром изображён юноша. Почти его копия: те же глаза, линия скул, губы.

Похож на сына.

Но Гаспар сказал, что у него никого нет.

На другом портрете Гаспар с женщиной. У неё светлые волосы. Спокойная, уверенная красота. Она смотрит прямо, как хозяйка.

— Это жена лорда ван Райдена. Элизабет, — тихо за спи-

ной произносит Николас.

Слышу, как на чайный столик ставится поднос.

Медленно поворачиваюсь.

— Где теперь его жена?

— Леди Элизабет попросила развод, и господин ей его дал, — отвечает Николас. — А это, — показывает на первый портре, — сын господина — Калерб. Он погиб на войне.

Смотрю на лицо юноши на холсте.

Совсем молодой. Война пожирает детей.

Это огромный удар по родителям — я не представляю, как можно такое пережить.

Гаспар перенёс потери, потерял здоровье, но остаётся стойким, продолжает работать — у него должно было быть какое-то совещание...

Я перевожу взгляд на раскрытую дверь спальни.

В сердце что-то колыхнется, и я иду к нему.

Успеваю вовремя.

Кожа покраснела. Касаюсь лба и мгновенно понимаю — жар.

А через мгновение начинаются судороги.

Приди я чуть позднее, потеряла бы его.

Я открываю лекарский чемоданчик и берусь за дело.

Капитан Метс и Николас тревожатся, спрашивают.

Приезжает полисмен и допрашивает об обстоятельствах выстрела, с ним разбирается Метс.

Почти одновременно с ним приезжает ещё один человек.

Я слышу из гостиной приглушённый хриловатый голос

и понимаю, что это магистр Гидеон Риммер.

Значит, Метс вызвал его.

Правильно.

— Здравствуйте, как тут у нас? — раздаётся на пороге спальни добрый, с лёгкой хрипотцой голос.

Я поднимаю взгляд и вижу пожилого лорда невысокого роста с аккуратно подстриженной белой бородой и пенсне на переносице.

— Магистр Риммер? — произношу я. — Я Николь... — осекаюсь, по привычке чуть не назвав фамилию Сола. — Я невеста Гаспара и целительница. В него попал магический армейский заряд.

— Невеста? — Риммер внимательно смотрит на меня через пенсне. — Я знаю Гаспара двадцать лет. Последнее время вижу его почти каждый день — про вас он ничего не говорил.

Магистр решительно проходит ближе, ставя чемоданчик на стол.

— Введите в курс, целитель Николь.

Я рассказываю о состоянии и предпринятом лечении. Голос ровный и холодный. Но внутри всё дрожит от страха и несправедливости. Я вытащу Гаспара, чего бы мне это не стоило. Он заслуживает жизни, он не может умереть.

— Вы военный целитель? — смотрит поверх пенсне Риммер, словно хочет рассмотреть внимательнее.

— Да, я работала в госпиталях.

— Это заметно. Я когда-то тоже служил на передовой. Риммер берётся за Гаспара, водит над ним артефактами.

— Жар сейчас начнёт отступать, — произносит он хрипловатым голосом. — Ваше лечение действует.

И поднимает на меня взгляд:

— Вы всё сделали правильно, целитель Николь. Не волнуйтесь так. Вижу, что он вам дорог. Расскажите же, где познакомились. Давно вы его невеста?

— Гаспар сделал предложение сегодня. Остальное пусть он сам вам расскажет, когда очнётся.

Перевожу тревожный взгляд на Гаспара, его грудь тяжёло, но ровно вздымается.

Поправляю простынь, покрывающую его тело. Провожу ладонью по лбу.

Лихорадка отступает.

Однако радоваться рано.

Повреждения от выстрела очень сильны, драконья регенерация не работает. Восстановление будет долгим и тяжёлым. Если Гаспар, конечно, вообще очнётся. Разряд и последующая лихорадка могли повредить мозг.

— Нужно сменить повязку и наложить новую мазь, — произношу я и тянусь к своему чемоданчику.

— Вы позволите, если я это сделаю? А вы отдохните немного, Николь, присядьте, — произносит Риммер.

— Хорошо, спасибо.

Я присаживаюсь на край постели и бросаю взгляд на стол,

где у Гаспара расставлены целые батареи эликсиров, рассматриваю.

Половина из них обезболивающие разной направленности, часть разжижающие кровь — для тех, кто мало двигается очень нужные. Есть ещё от внутренних отёков и кровоочищающие. И эликсиры чёрной магии — от них фонит злой энергией, которую я чувствую на расстоянии.

Повреждённые ноги — это только вершина всех его травм.

Какие же звери те, кто его искалечил.

— Магистр Риммер, — произношу, наблюдая за тем, как он ловко накладывает маль. — Гаспар сказал, что вы искали способ исцелить его. Расскажите мне всё, что вам известно. Пожалуйста, — прошу тихо.

Магистр смотрит на меня поверх пенсне.

— Расскажу, — говорит он.

И делится со мной, оперируя сложными терминами. Как целитель я его хорошо понимаю.

Риммер описывает ритуал, который очистит кровь от яда. И главным элементом служит кровь близкого родственника.

Как и говорил Гаспар.

Я тяжело вздыхаю. Безднадёжность стискивает грудь.

— Я поняла, спасибо, — произношу.

Взгляд возвращается к эликсиру чёрной магии.

— Я хочу попросить вас об одной вещи, магистр.

— Слушаю, Николь.

— Не готовьте для него больше это, — поднимаю пузырьрёк. — Сегодня это чуть не убило его.

Магистр Риммер забирает у меня из рук пузырьрёк.

— За это можно лишиться головы, Николь. Забудьте, что видели это.

Маршал Сол Бекфорд

Тишина кабинета давила. Он ждал новостей о смерти, но весь день стояло гробовое молчание.

Бокал крепкого, сигара.

Бекфорд медленно пил в одиночестве и думал.

Кайзер.

Севидж.

Убиты в пытках.

— Он не мог сделать это один, он калека, — хрипло произносит Бекфорд в темноту. — Значит, есть ещё кто-то, кто работал на него. Кому всё известно.

Медленно втягивает в себя дым. Выдыхает через нос.

— Увёл мою жену. Собака.

Опрокидывает остатки горького напитка в рот и морщится.

Сегодня Бекфорд был у королевы, запланированный приём, на котором они должны были появиться вместе с Николь.

Пришлось сказать, что жена приболела.

На столе лежат бумаги на развод, на которых ещё не сохли чернила — осталось только подписать. Он всё подготовил. Но история о побеге Николь не должна выйти наружу. Она сделает заявление перед королевой о болезни и отправится в монастырь.

Он заставит её.

Поэтому Сол приказал прикончить ван Райдена.

Такое дело не доверишь чужому, поэтому он поручил исполнение Уинстону — самому меткому стрелку из них всех.

Уинстон поклялся, что попал.

Армейский демонический заряд должен был уложить ван Райдена в могилу, даже слегка задев. Это слишком мощная магия для калеки. Он даже не дракон. Не маг. Кусок мяса. Калека.

За домом ван Райдена сразу же выставил наблюдение. Приезжал знаменитый лекарь, министр Риммер. У Райдена сильные связи — Сол этого не учёл.

Раздаётся стук в дверь.

— Ваша светлость, прибыла полиция, — докладывает слуга.

Бекфорд тушит сигару, размазывая её по пепельнице. Внутри поднимается что-то дикое, звериное.

Полиция не смела приходить к нему.

К НЕМУ.

Он — маршал королевства, занимает политический пост.

— Пригласи, — хрипло бросает Сол и откидывается на спинку массивного кожаного кресла.

В кабинет входит ссутуленный полисмен. Кланяется. Боятся наступить на дорогой ковёр.

— Лорд Бекфорд, это правда, что сегодня утром вы хотели вызвать на дуэль лорда Гаспара ван Райдена? — спрашивает

страж закона.

Бекфорд медленно поднимается.

Полисмен сильнее съёживается и отступает к двери, словно оказался с хищником в клетке.

Сол подходит к стражу закона вплотную, оказавшись выше его на целую голову, и вдавливая в его ладонь деньги.

— Убрать моё имя из подозреваемых. Написать в рапорте, что ван Райден сам себя подорвал от того, что обезумел в плену демонов.

Полисмен опускает взгляд на купюру в тысячу крон, украшенную золотым тиснением, и его лицо сразу делается понимающим.

— Так точно, маршал Бекфорд. Обезумел в плену демонов.

Сол сжимает зубы и чувствует, как верхняя губа подёргивается от напряжения.

Внутри разливается холодная ярость.

Проводив полисмена, Сол возвращается в спальню.

Тут всё иначе, даже пахнет по-другому. Не так, как было ещё вчера с женой.

Ему не нравится. Чужое.

В постели спит девушка. Она кажется чуждой, он привык к другой женщине в своём доме. Только одну он называл женой.

Это всё привычка. Пройдёт.

Николь шлюха и предательница.

Больше не вспоминать.

Бекфорд устало садится на постель, расстёгивает пуговицы на кителе.

Виктория просыпается, тянется к нему.

— Милый, — мурлычет. — Ты пришёл. Я соскучилась.

Бекфорд тянется к Виктории, кладёт на живот массивную ладонь. Загорелая кожа сильно выделяется на полупрозрачной ночнушке. Он гладит живот.

Его ребёнок. Наследник. Дракон.

Николь не могла родить ребёнка пятнадцать лет. Никчёмная. Шлюха. Всё правильно. Развод — это правильно.

Виктория тянется целовать его, но он направляет её вниз, к своим бёдрам.

— Займись делом.

Проходит две недели.

Новостей о смерти всё нет.

Докладывают, что вокруг дома ван Райдена зубастая охрана. Никто не проговаривается ни за какие деньги. К магистру не подступить. Ничего не известно уже две недели. Это раздражает.

Но кое-что за это время сдвинулось.

Он закрыл больницу Николь.

Достаточно было одного разговора на охоте. Хорошо провели время и дела порешали.

На прошлой неделе из больницы вывезли последние медикаменты и лечебные артефакты, и там была Николь.

Его. Всё ещё его.

Он наблюдал за ней из кареты на противоположной стороне улицы.

Как будто осунулась и похудела.

Уже не такая красивая — и это радовало его.

Сол едва сдержал порыв подойти и отволочь её домой — свою жену.

С ней была охрана. Отчаянные головорезы. Бекфорд не хотел скандала на публике.

Тогда же на охоте Сол попросил мэра поднять арендную плату за особняк ван Райдена. Второе. В надежде, что ван Райден, если жив, поедет разбираться, и тогда его можно будет добить.

Но ван Райден не показывался на люди.

Зато Николь устроилась на работу штатным врачом в другую больницу, но принимает пациентов на дому, в отдельном крыле особняка.

Сол допрашивал всех, кто бывал в доме, но никто не видел внутри калек. Тяжелобольного. Никого, кроме охранников.

Время играло против него.

Живот у Виктории скоро начнёт расти. Любопытные начинают задавать вопросы, сравнивать сроки женитьбы и возраст младенца.

Бекфорда это не устраивало.

И тогда он решил выяснить всё сам. Он знает Николь, как облупленную. По глазам поймёт больше, чем она ему скажет.

А повод навестить — вот он.

Бекфорд достаёт из стола счёт за последние эликсиры от бесплодия на триста тысяч крон.

Он его не оплатил его, тянул, жадность давила.

Её долги — её проблемы.

Я меняю повязку на груди Гаспара.

Рана благодаря мазням и моей целительной силе затягивается.

Но Гаспар не приходит в сознание.

Я стараюсь не поддаваться панике, делаю перевязки и процедуры с холодной выдержкой, которую обрела в военных госпиталях.

Но иногда руки дрожат.

Я борюсь изо всех сил, чтобы спасти его.

Не из-за страха перед монастырём.

Дело не в этом.

Он закрыл меня собой от выстрела. Я это помню.

В кого из нас стреляли, ни я, ни Метс, так и не сумели понять. Но доля секунды от момента, когда зазвучал выстрел и до того, как заряд нашёл цель, Гаспар успел среагировать. Он бросился защищать меня.

Потому что обещал.

Он подарил мне брачный браслет и огромный букет прекрасных роз, размазанных по сырой земле в тот же день. Я собрала, что осталось, всего несколько цветков, и они теперь стоят в вазе.

Я не понимаю, что между нами. Это точно не любовь. Скорее это попытка доверять друг другу. Поэтому я его не остав-

лю. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы Гаспар открыл глаза.

Раздаётся тихий стук в дверь.

— Леди Николь, у нас гости, — говорит повар Николас, отворяя дверь.

— Что за гости?

Тру глаза. Поправляю одеяло на груди Гаспара.

Я задремала, сидя у его постели.

— Лорд Брайс. Армейский друг Гаспара и работодатель, — объясняет Николас.

Повар не скрывает от меня дел Гаспара. Он стал мне доверять, когда увидел, как преданно я занимаюсь его хозяином.

Я тоже кое-что успела понять о Николасе. Он служит Гаспару не за жалованье, а потому что предан. Своей семьи у Николаса нет, и когда Гаспар вернулся из плена, Николас — один из тех солдат, кому удалось вырваться из окружения, — уволился из армии и стал служить дальше своему генералу.

Разглаживаю складки на платье — том самом, что купил мне Гаспар в салоне Жеона. Я теперь хожу в нём всё время, выбросив всё, что принесла с собой из прошлой жизни.

Выхожу в гостиную.

В комнате стоит мужчина с армейской выправкой. На вид лет пятьдесят, тёмные волосы, седина на висках.

Шляпа смята в руках.

— Кто вы? — он не здоровается. — Меня обыскали на входе дважды. Где ван Райден?

— Представьтесь.

— Лорд Артур Брайс, — коротко кивает гость. — Гаспар работает у меня.

— Леди Николь, невеста лорда ван Райдена.

— Ясно. Гаспар не приехал на совещание. У нас контракт. Я могу его увидеть?

— На него было совершено покушение.

— Что?! Как он? Он жив?

— Он жив. Но его состояние держится в тайне во избежание новых попыток нападения.

Об этом мы договорились с Метсом. Никого не подпускать к Гаспару. Всех, кто входит в дом, обыскивать. Никому не доверять и не давать информации.

— Как только он сможет с вами поговорить, он свяжется с вами, — отвечаю я.

— Я понял. Вам нужна помощь? Я готов.

— Если понадобится — я скажу.

— Хорошо. Но я оставляю тут деньги за проект, сто тысяч, — Брайс кладёт на комод купюры. — Гаспар почти закончил работы, осталась финальная стадия.

— А что за проект?

— Строим особняк для клиента. Ван Райден когда-то командовал армией, а теперь командует отрядом строителей и магов-бытовиков. Очень быстро возводим дома, — довольно произносит Брайс. — Третий за единственный месяц, что Гаспар вернулся в столицу. Это быстро. И невесту уже до-

стойную нашёл. Времени зря не теряет! Что ж, желаю всего хорошего. Если что-то будет нужно, пошлите человека в бюро Брайс.

— Я вас услышала. Благодарю.

Провожая Брайса.

— На кухне продукты на исходе, — произносит Николас, кивая на деньги, оставленные на комод.

Я беру купюры.

— Сколько нужно?

— Тысячи две-три, я закажу на рынке необходимое: молоко, мясо.

Отсчитываю три тысячи и даю Николасу.

— На что ещё уходит в месяц? — спрашиваю я.

— Аренда, лекарства, жалованье Метсу и солдатам. Но лорд Гаспар платил им на днях, ещё есть время до следующей платы. А аренду нужно платить на днях. Деньги у Гаспара лежат в сейфе в спальне. Ключ в нижнем ящике стола. Вы теперь хозяйка.

Я возвращаюсь в спальню к Гаспару, проверяю его состояние.

Затем нахожу ключ в ящике, открываю сейф. Нужно убрать туда деньги Брайса и посмотреть, сколько у Гаспара сбережений. Как долго мы сможем протянуть.

Но то, что я обнаруживаю...

В сейфе лежат медали и ордена. Как их много у Гаспара, я даже не ожидала. Золотые, серебряные, с инкрустацией камнями.

У Сола наград куда меньше, а ведь он маршал.

Пробравшись рукой через награды достаю пухлый конверт.

Наверное, там деньги.

Открываю, и...

Сердце пропускает удар.

Да. Деньги здесь есть. Около пятидесяти тысяч.

Немного.

Платье от Жеона, розы, браслет.

Понимаю, что он потратил на меня всё, что заработал у Брайса за месяц работы.

У него нет сбережений.

Но будоражит другое.

В конверте много карточек с портретами Элизабет и сына.

Это его семья.

И я вдруг остро чувствую себя чужой. Незаконно вторгшейся. Прикоснувшейся к сокровенному.

Деньги, которые держу в руке, его пятьдесят тысяч, хочется положить обратно и вообще покинуть дом.

Как женщине — хочется уйти.

Как целителю — нельзя.

Я не бросаю пациентов.

Гаспар обещал мне защиту.

У нас сделка.

Я убираю портреты обратно в конверт. А деньги кладу рядом, чтобы легко можно было взять, не натыкаясь на лицо чужой женщины.

Сажусь к постели, смотрю на лежащего мужчину.

Гаспар-Гаспар.

Как же так, Гаспар, ты обещал мне больницу, но у тебя почти нет сбережений. Только медали.

Но понимаю, у него был хороший контракт с Брайсом, он собирался на совещание в день покушения, планировал работать и зарабатывать. Он бы сделал, что обещал.

Он из тех, кто выполняет.

Если бы не проклятый выстрел.

Проклятый Сол.

Меняю Гаспару повязки, кормлю его долго и кропотливо.

Кормить приходится почти постоянно, потому что вливать удаётся по чуть-чуть.

— Леди Николь, вас спрашивает женщина, говорит из больницы, представилась госпожой Дебб, — докладывает Николас.

Управляющая.

Внутри тяжёлым камнем давит нехорошее предчувствие.

Я выхожу в гостиную, плотно закрыв за собой дверь в спальню.

Госпожа Дебб стоит на пороге комнаты с подавленным видом.

— Леди Николь, закрыли больницу, — шепчет она срывающимся голосом. — Приказано вывозить вещи или отберут вместе с лечебными артефактами и медикаментами.

Внутри поднимается холодная ярость. Пальцы сами сжимаются в кулаки.

— Скажите, кто дал вам этот адрес, госпожа Дебб?

Я сразу понимаю, что закрытие больницы — это манипуляция, попытка вырвать меня от Гаспара, задеть за живое.

Но я уже была готова к этому удару. Сол же сказал, что закроет. Гаспар мог бы ему помешать, но он едва жив. Шансов сохранить больницу не было.

Но я не мирюсь.

Я принимаю эту потерю, как тактическое отступление.

— Адрес... — хмурится управляющая. — Ваш муж. Он приезжал и объявил о закрытии. И сказал, где вас найти.

Ну вот, я так и думала.

Однако артефакты терять нельзя. Больницу я снабжала два года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.